

ОЛЬГА
ОЛЕЙНИК

БЫВШИЕ

*Десять лет
случая*

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ
РОМАН

Ольга Олейник

Бывшие. Десять лет спустя

«Автор»

2026

Олейник О.

Бывшие. Десять лет спустя / О. Олейник — «Автор», 2026

— Мама, ты же не будешь возражать, если на моем дне рождения будет и папа? — Даша смотрит на меня с надеждой. — Он хочет снять для нас целый ресторан! Я пожимаю плечами. Как я могу ему это запретить? — А может быть, вы уже помиритесь? Десять лет прошло. Что вы как дети? Десять лет назад я застала мужа с другой и не смогла его простить. Но когда через месяц он приезжает в ресторан — холеный, в брендовом костюме и галстуке, который стоит несколько моих зарплат — мое сердце почему-то бешено стучит. Вот только приезжает он не один. И стоящая рядом с ним девушка гораздо моложе, чем я. — Рита! Рад тебя видеть! А это — моя невеста Лана. Мы с ней подумали, что будет лучше, если до окончания школы Даша поживет у нас в Москве. Я могу дать нашей дочери гораздо больше, чем ты. — Не всё измеряется деньгами, Артём! — говорю я. Но за моей спиной дочь уже хлопает в ладоши. — Мам, ты же отпустишь меня, правда? Десять лет назад меня предал ее отец. А сейчас она готова предать меня сама.

© Олейник О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	23
Глава 11	25
Глава 12	27
Глава 13	29
Глава 14	31
Глава 15	33
Глава 16	35
Глава 17	37
Глава 18. Стрельников	39
Глава 19	41
Глава 20. Стрельников	43
Глава 21	45
Глава 22	47
Глава 23	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ольга Олейник

Бывшие. Десять лет спустя

Глава 1

— Как ты хочешь отметить свой день рождения? — спрашиваю я у дочери за завтраком.

Все предыдущие дни рождения она отмечала дома. Мы собирали ее друзей, устраивали веселые игры и танцы. Но через месяц ей исполнится шестнадцать, и она уже считает себя взрослой и на этот раз наверняка ждет совершенно особого праздника.

— Мам, ты только не обижайся, пожалуйста, ладно? — Даша откладывает в сторону недоеденный бутерброд и смотрит на меня как-то странно. — Ты же не будешь возражать, если на моем дне рождения будет и папа?

Мое сердце екает и уходит куда-то в пятки. Я понимала, что рано или поздно это случится. Что моя девочка вырастет и захочет общаться с отцом. И всё равно мне не по себе.

Я пожимаю плечами. Как я могу ему это запретить? Дашка и его дочь тоже, и он имеет право быть с нею рядом в такой важный для нее день.

— Супер! Тогда я позвоню ему и скажу, что ты согласна. Кстати, он хочет снять для нас целый ресторан! Правда, здорово? И будут классные музыканты, и фейерверк.

Он может себе это позволить. Филиалы его компании есть уже в десятке городов.

Я пытаюсь улыбнуться, но получается это у меня плохо. Мне несказанно обидно, что именно этот праздник буду устраивать дочери не я, а мой бывший муж. Я позволить себе такие траты, увы, не могу.

— А может быть, вы уже помиритесь? Десять лет прошло. Мам, ну что вы как дети?

Она снова принимается за бутерброд.

Ей кажется, что это легко — взять и забыть о том, что когда-то случилось. Но знала бы она, как непросто бывает перевернуть страницу.

Десять лет назад я застала мужа с другой. Вернулась домой из деревни на день раньше, чем собиралась, и дверь мне открыла полуголая девица. Я до сих пор помню ее испуганный взгляд и дрожащие ярко-розовые пухлые губы.

Помню, как она собирала по комнате свою одежду и натягивала на себя облегающее платье. И как выскочила из квартиры, громко хлопнув дверью.

А следом за ней хотелось выскочить и мне. Потом дом в одночасье стал казаться чужим.

Артём потом говорил, что ничего не было. Что он любит только меня, а всё остальное было неважно. Для него — возможно. Но это было важно для меня. Я доверяла ему как самой себе. А он это доверие растоптал.

Я так и не смогла его простить. Мне становилось тошно от одной только мысли, что он обнимал и целовал другую. И разумеется, не только целовал. И ведь наверняка тоже признавался ей в любви. Не просто же так пришла к нему домой его коллега.

— Мам, ты слышишь меня? — отвлекает меня от воспоминаний голос дочери. — Я спросила, какую лучше путевку попросить у папы.

— Путевку? — я непонимающе хмурюсь.

Даша заливисто смеется.

— Мам, ну ты меня совсем не слушала! Папа на день рождения хочет подарить мне путевку. Сказал, что я могу поехать, куда захочу. Вот я и думаю, что выбрать. Мальдивы? Париж? Или, может быть, Японию?

Ее глаза блестят от восторга.

— Мы же с тобой собирались на каникулах в Турцию, — напоминаю я.

— Мам, ну как ты не понимаешь? — удивляется она. — Это же совсем не то. Это отдых совсем другого класса. Из моих одноклассников в Японии еще никто не был. Представляешь, как будет круто поехать туда первой и каждый день спамить всех классными фотками?

— Прости, но тебе не кажется, что это чересчур? Папа оплачивает ресторан, в котором мы будем праздновать. Это тоже дорогое удовольствие. Тебе не кажется, что этого достаточно? О каком еще подарке может идти речь?

Дочь обиженно надувает губы.

— Мам, ну он же сам предложил! Я его за язык не тянула. И если для него это не так уж и дорого, то почему бы и нет? И бабушка считает, что...

Я поднимаюсь из-за стола. Со свекровью у нас непримиримые противоречия, и хотя я никогда не препятствовала ее общению с внучкой, мотивационные установки Элеоноры всегда казались мне весьма сомнительными.

Пару лет назад Даша вернулась с проведенных с бабушкой каникул с вопросом, почему у меня нет норковой шубы. По мнению Элеоноры Аркадьевны, женщина без таковой шубы — вовсе не женщина. И без бриллиантов, разумеется, тоже. И мне долго пришлось объяснять дочери, что всё это — лишь внешняя мишура. А самое главное — вовсе не это, а то, что у человека внутри.

— Ты лучше подумай, в каком платье ты будешь на дне рождения! — советую я.

— Ох, я же тебе не рассказала! — ахает дочь. — Папа сказал, что привезет мне из Москвы настоящее вечернее платье крутого бренда. Все девчонки из класса обзавидуются.

Мне ужасно хочется позвонить Стрельникову прямо сейчас. И отчитать его за то, что засыпает Дашку всей этой роскошью, которая ей в шестнадцать лет совсем не нужна. Он словно пытается откупиться за то, что не был рядом с ней всё это время.

— Ой, мам! А ведь тебе тоже нужно платье! Давай пройдемся завтра по магазинам! Только, пожалуйста, не экономь. Хорошо? А то ты всегда жалеешь на себя деньги.

Про экономию дочь говорит с легкой ноткой пренебрежения.

Она была слишком маленькой, когда мне приходилось считать каждую копейку. Потому что тогда у Артема еще не было ни собственной фирмы, ни пентхауса в столице. И моей скромной учительской зарплаты и тех алиментов, что я получала на Дашку, едва хватало, чтобы сводить концы с концами.

И даже сейчас, когда Стрельников переводит нам уже совсем другие суммы, большую часть алиментов я кладу на открытый на имя дочери счет. Кто знает, когда и на что ей могут потребоваться деньги. Но сейчас ей это трудно объяснить.

Но насчет платья она права. Мне потребуется новый наряд. Особенно, учитывая, что в ресторане будет Стрельников.

Глава 2

— Ого! Неужели сам Стрельников пожелует? — моя старая подруга Зоя Дубинина от этой новости приходит в восторг. — Немедленно записывайся в салон красоты! Да-да, ты и так красотка, но совершенству нет предела. Пусть поколдуют над твоими волосами. А то сама ты опять соберешь их в простой пучок. А может, тебе полимолочку поколоть? Кожа на лице разгладится и заблестит.

— Не сходи с ума! — отмахиваюсь я. — С чего бы мне так суетиться? Это Дашин день рождения, а не мой.

— Ну-ну, ты хоть передо мной не притворяйся. Ты же сама всё понимаешь. Сколько вы с Артемом не виделись? Почти десять лет? Вы же с тех пор только по телефону и общались.

Мы действительно всё это время старались свести общение к минимуму. Я не желала с ним встречаться, а он и не настаивал. При разводе решали все вопросы через адвоката. Потом — через Эльвиру Аркадьевну и Дашу.

Мне всегда казалось, что это правильно. Какой смысл общаться с человеком, которого ты презираешь?

— Да при чём здесь Артем? — злюсь я. — Даже если он действительно приедет на день рождения (в чём я лично сильно сомневаюсь), то он приедет не ко мне, а к дочери.

— Ох, ну, конечно, к дочери! — соглашается Зоя. — Но это вовсе не значит, что ты не должна выглядеть как королева. Пусть снова покусает локти, что тебя при себе не удержал.

Как ни странно, но эта мысль вызывает у меня улыбку. Почему бы и нет?

— А может, вы с ним уже сойдётесь? — вдруг говорит Дубинина. — Ну, а что? Ты за эти десять лет ни на одного мужика так и не посмотрела. Всё тебе они не такие. Но ведь и Стрельников ни на ком так и не женился. Думаешь, случайно? Да он наверняка до сих пор тебя забыть не может. Потому и приезжает сейчас.

Я снова протестую, хотя в глубине души я с ней согласна. Артем действительно после развода так и не завел себе другую семью. Сосредоточился на работе, забыл о личной жизни. Неужели я и в самом деле для него еще что-то значу?

Думать так глупо, наивно, но почему-то приятно.

И на следующий день я иду в салон красоты. Нет, на инъекции я не соглашаюсь, но массажи, обертывания и специально подобранные кремы мне совсем не мешают.

А за новым платьем мы отправляемся втроем — я, Дашка и Зоя. И этот поход по магазинам занимает целый день. Я примеряю огромное количество платьев и костюмов самых разных фасонов. И каждое не нравится кому-то из нас. Одно делает меня старше, другое чуть полнит, третье недостаточно модное.

И когда я уже почти готова психануть и вернуться домой без покупки, мы находим его — длинное платье насыщенного синего цвета. Оно идеально садится на мою фигуру и выгодно подчеркивает все мои достоинства. А потом покупаем еще и такого же цвета туфли.

— Красотка! — восхищается Зоя.

— Тетя Зоя, а вы ведь тоже придете в ресторан, правда? — спрашивает Даша.

— Да что мне там делать-то? — отмахивается Дубинина. — Там одна молодежь будет. И танцы сейчас совсем другие.

— Ой, да ладно! — хохочет дочь. — Вы с мамой тоже еще молодые. И для взрослых будет отдельный стол. А музыка будет разная. Мы под Шатунова тоже иногда танцуем. И под «Руки вверх». И маме с вами будет веселей.

Зоя еще упирается, но я знаю, что она придет. Не для того, чтобы потанцевать или поесть в дорогом ресторане. Она придет, чтобы посмотреть на нашу со Стрельниковым встречу.

Глава 3

Платье Стрельников присылает Даше курьером накануне торжества.

Как ни странно, но я одобряю его выбор. Наряд вовсе не вычурный, а элегантно-простой. И дочь даже начинает беспокоиться, что ее подружки могут не понять, что платье от известного бренда.

— Если не поймут, расскажешь им сама, — улыбаюсь я.

Даша сегодня восхитительно хороша. И ей совсем не нужна косметика, но она всё-таки наносит на ресницы тушь и чуть подкрашивает помадой губы.

— Какая же ты у меня уже взрослая, Дашуля! — я не могу удержаться от слёз.

— Мам, да у тебя тушь размажется! — она довольно крутится перед зеркалом.

А на следующее утро к нам приезжает парикмахер, который делает Даше первую в ее жизни праздничную причёску. И вот уже непослушные локоны аккуратно уложены и спрыснуты лаком.

— Принцесса моя! — я обнимаю ее и целую в нос. — Какая же ты у меня красотка!

— Я вся в тебя, да? — смеется она.

— А ты уверена, что сможешь весь вечер проходить на каблуках? — беспокоюсь я.

— Конечно! Но если хочешь, я возьму с собой балетки.

Она всегда предпочитала спортивный стиль одежды, а туфлям на шпильках — простые кроссовки. И то, что сейчас ей хочется совсем другого, и радует, и одновременно пугает меня.

Наверно, это нормально. Она просто становится взрослой. И она вряд ли может сейчас понять, что для меня она всё ребенок. Моя маленькая славная девочка, которую мне хочется защитить ото всех невзгод.

В ресторан мы с ней приезжаем первыми. Я не большой знаток таких мест, но это явно пафосное и дорогое. В большом зале уже накрыты столы, а музыканты настраивают инструменты. На отдельном столике приготовлены для цветов вазы с водой.

И хотя виновнице торжества всего шестнадцать лет, цветов оказывается много. Гостей встречает сама Даша, а я стою чуть в стороне. Я не могу удержаться от улыбки, видя с какими серьезными лицами мальчишки и девчонки, которых я помню еще совсем детьми, входят в ресторан с букетами и перевязанными лентами подарками.

Я ненадолго отвлекаюсь, когда приезжает Зоя. Отвожу ее за отведенный нам столик и, пользуясь моментом, съедаю кусочек огурца. Я ужасно голодна, и кажется, не только я., потому что собравшиеся гости тоже жадно посматривают на угощения.

И когда ведущий мероприятия выходит на импровизированную сцену и предлагает начать, зал встречает его слова аплодисментами.

— Мам, — шепчет мне на ухо дочь, — папа только что позвонил и сказал, что подъезжает к ресторану. Встреть его, пожалуйста, а то мне сейчас неудобно выходить.

Зоя подмигивает мне. Дескать, давай, срази Стрельникова своей красотой. И я, конечно, смущаюсь и когда выхожу в фойе, чувствую, как пылают щеки.

Через полупрозрачные двери ресторана мне видно, как ко крыльцу подъезжает машина. А меня сразу охватывает волнение. Это ужасно глупо, но я ничего не могу с этим поделать.

Сколько бы лет ни прошло, какие бы события ни происходили, Артем Стрельников всё равно будет для меня моим первым и очень важным в жизни мужчиной. Потому что невозможно забыть ту любовь, какая была между нами. Да, сейчас ее уже нет, но ведь она была, и когда я вспоминаю то время, я снова чувствую себя той наивной и счастливой девчонкой.

И когда Стрельников входит в ресторан — холеный, в брендовом костюме и галстуке, который стоит несколько моих зарплат — мое сердце бешено стучит.

Вот только приезжает он не один. И стоящая сейчас рядом с ним девушка гораздо моложе, чем я. У нее рыжие волосы, красивая фигура, а наряд такой стильный, что даже мое красивое платье на его фоне кажется дешевой тряпкой.

— Рита! — улыбается Артём и идет ко мне. — Рад тебя видеть!

Он не обнимает меня, а просто жмет мне руку, как пожал бы ее деловому партнеру или коллеге. Девушка стоит за его спиной, и сейчас мне ее не видно. И подсознательно я еще надеюсь, что он скажет, что это его секретарь, помощница или кто там еще полагается крутому бизнесмену. Но он говорит другое:

— А это — моя невеста Лана.

Девушка подходит ко мне и легонько обнимает. Так, как это принято сейчас. Коснуться щекой щеки. Чмоки-чмоки. Ах, как же всё это противно!

Но я вынуждена продолжать улыбаться. Потому что я не хочу, чтобы они поняли, что творится у меня на душе.

Ах, какая же я дура! Нафантазировала себе невесту что. И как я вообще могла подумать, что Стрельников приезжает сюда ради меня. Что он всё еще любит меня и хочет помириться.

— Рита, нам нужно с тобой поговорить. Там, в зале, наверно будет не очень удобно. Хотя, наверно, Даша тебе уже всё рассказала.

Я смотрю на него непонимающе. А потом вспоминаю про путевку, которую он ей пообещал. Она выбрала Японию, но я не намерена ее туда отпускать. Она еще слишком мала, чтобы ездить куда-то одна.

И наверно, как раз об этом он и хочет со мной поговорить. Не удивлюсь, если он заявит, что они с Ланой поедут в Японию вместе с ней. И вот как я должна к этому отнестись? Как я вообще могу ему доверять?

Но всё оказывается куда хуже.

— Я подумал, что будет лучше, если до окончания школы Даша поживет у нас в Москве. Я устрою ее в лучшую гимназию и найму ей репетиторов. Ей нужно готовиться к поступлению в университет. Ты же прекрасно понимаешь, что я могу дать нашей дочери гораздо больше, чем ты.

Это жестокие слова. И да, во многом он прав. Сравнивать наши финансовые возможности просто глупо. Он — владелец известной сети кафе. И я — простая школьная учительница.

Но ребенку нужны не только репетиторы, дорогие шмотки и поездки за границу. Ребенку, прежде всего, нужна любовь.

— Не всё измеряется деньгами, Артём! — тихо говорю я.

Но за моей спиной дочь уже хлопает в ладоши.

— Мам, ты же отпустишь меня, правда?

Я не верю ушам и оборачиваюсь. Дашины глаза сияют от восторга.

— Мамочка, у папы огромная квартира в самом центре Москвы! И у него есть личный водитель, и домработница.

Моей малышке сейчас кажется, что важнее этого нет ничего. Ей хочется похвастаться этим перед друзьями. И что бы я сейчас ей ни говорила, она не поверит мне.

К горлу подступает комок, а на глаза наворачиваются слёзы. Нет, не плакать! Только не сейчас, не перед Стрельниковым и его подружкой.

— Милая, давай обсудим это дома, — лепечу я.

Я не позволю ему разрушить нашу маленькую семью. Он и так уже когда-то много для этого сделал.

— А вы, Рита, отлично выглядите для своих лет, — слышу я мягкий голос Ланы. — Даже и не подумаешь, что вам уже за сорок.

Артём берет ее под руку и ведет в зал. А Даша на мгновение задерживается рядом со мной. И я вижу, с каким восхищением она смотрит вслед избраннице отца.

— Почему ты не сказала мне, что твой папа придет не один?

— Не знаю, мам! — она пожимает плечами. — Да какая разница? Когда-то папа должен был снова жениться. А она милая, правда? И я уверена, она в Москве сможет обо мне позаботиться.

Десять лет назад меня предал ее отец. А сейчас она готова предать меня сама.

Глава 4

Играет медленная музыка, и немногочисленные пары мило топчутся посреди зала. Наверняка для многих Дашиных одноклассников этот «медляк» первый в их жизни, и они еще немного смущаются, хоть и стараются этого не показать.

Дочка тоже танцует — с Георгием Звягинцевым, высоким нескладным подростком, который явно к ней неравнодушен. Гоша мне нравится, он умный, интеллигентный и хорошо воспитанный. Но именно поэтому, мне кажется, девочки (в том числе и моя Дашка) с ним просто дружат. А влюбляются совсем в других — в «плохих» мальчиков, которые в итоге и разбивают им сердца.

Танцуют и Стрельников с Ланой, но в их сторону я стараюсь не смотреть. На его предложение я так и не ответила. Такие вопросы не решаются сгоряча.

— И что за имя такое — Лана? — негодует рядом со мной Зоя. — От Светланы, что ли? Так тогда она просто Светка.

Я пожимаю плечами. Какая разница? Дело ведь не в имени, а том, что эта девица вся такая небрежно-изысканная, словно только что сошла со страницы модного журнала. Конечно, Даша смотрит на нее с восторгом. Потому что нынешние девочки хотят быть именно такими. Быть обычными для них кринжово. Так они говорят.

Меня бесит этот не всегда понятный мне молодежный сленг, но я понимаю, что всё меняется, и новое нужно не отрицать, а стараться в нём разобраться.

— А чем она вообще занимается? — любопытствует Дубинина.

— Она блогер.

И это еще одно большое преимущество с точки зрения моей дочери. Быть блогером модно и круто.

— То есть, она не работает, а сидит дома и снимает всякие видео ни о чём? — уточняет подруга.

— Ну почему же? — возражаю я. — Это тоже работа. И наверняка приносящая очень хороший доход. Сейчас непрестижно быть учителями или бухгалтерами. Молодежь не хочет сидеть в кабинете с восьми до пяти и получать стабильный оклад. Все Дашины одноклассницы взяли у этой Ланы автографы, хотя, насколько я поняла, она отнюдь не звезда.

Вот и сейчас, когда закончилась музыка, Даша просит Гошу сфотографировать ее с отцом и Ланой, и она стоит между ними и улыбается. Весь этот вечер она купается в обожании и даже, наверно, в какой-то степени зависти одноклассников. И гордится своим отцом, который устроил ей такой чудесный праздник, и его избранницей.

— И какой же блог она ведет? Как соблазнить миллионера? — шутка получается не очень, и Зоя смущается и торопливо добавляет: — Не обращай внимания. — Завтра Стрельников со своей лахудрой вернется в Москву и опять надолго забудет о дочери.

Но я качаю головой. Если бы всё было так просто!

— Он предложил Даше поехать в столицу с ними.

— На выходные?

— Нет, насовсем. Вернее, до окончания школы. Он хочет, чтобы в одиннадцатый класс она пошла уже там, — я изо всех сил пытаюсь сдержать горечь, которая так и рвется наружу.

Дубинина смотрит на меня непонимающе.

— Ты шутишь? Это же глупость какая-то! С чего бы ей ехать в Москву?

— Он обещает ей лучшую столичную гимназию, репетиторов и подготовительные курсы в том университете, в который она захочет поступать.

— Ну, это неплохо, конечно, — соглашается Зоя. — Но этого всё-таки недостаточно. Дом у нее здесь, в Питере. И ты тоже тут. Стрельников не сможет заменить ей тебя. К тому же у него эта Лана. Зачем его молодой жене обуза в виде его дочери-подростка?

— Не знаю, — вздыхаю я. — Но, кажется, она совсем не возражает. По крайней мере, Стрельников говорил об этом очень уверенно.

— Да какая разница, что он говорил? Даша всё равно к нему не поедет! — наверно, у меня меняется что-то в лице, потому Зоя хмурится: — Думаешь, поедет?

Мне не хочется в это верить, но и тешить себя ложными надеждами я не хочу. Конечно, я сделаю всё, чтобы убедить Дашу остаться. Но даже если у меня это получится, наши с ней отношения наверняка испортятся.

— У него пентхаус в центре Москвы. Крутая машина с личным водителем. Домработница. И каждое лето он ездит отдыхать в Европу. Как, по-твоему, этого достаточно, чтобы заинтересовать шестнадцатилетнюю девочку?

Дубинина потрясенно молчит. Что она может на это возразить?

Из туалетной комнаты возвращается Эльвира Аркадьевна, и наш разговор сразу прекращается. Моя бывшая свекровь прибыла на праздник позже всех («Я задержалась у парикмахера, милочка!»), и ей тут явно скучно. Современную музыку она не понимает и не одобряет, а для того, чтобы развлечь себя беседой, ей не хватает слушателей.

Мы с ней не в лучших отношениях, но поскольку в этот вечер сидим за одним столом, то вынуждены сохранять нейтралитет.

— Вам, Зоенька, следует найти себе хорошего косметолога, — снисходительно бросает Эльвира Аркадьевна. — С этими мимическими морщинами нужно что-то делать. Вы слишком часто улыбаетесь, дорогуша.

Дубинина краснеет и отворачивается. Но она прекрасно знает, что моей свекрови свойственна подобная бестактность.

Напряжение чуть спадает, когда к нашему столику подбегает Дашка — чтобы сфотографироваться уже с нами. Она садится между мною и бабушкой, обнимает нас и подает знак своему верному пажу.

— Гоша, а меня с тетей Зоей!

Звягинцев послушно нажимает на кнопку телефона.

Музыканты снова выходят на импровизированную сцену. И снова медленная композиция. Я ожидаю услышать от молодежи вздохи разочарования, но нет — мальчики снова приглашают девочек с явным удовольствием.

— Потанцуем? — слышу я вдруг голос Артёма.

Вздрагиваю, поднимаю голову. Это он мне?

Да, он смотрит именно на меня и протягивает мне руку.

Глава 5

Если бы рядом никого не было, я бы ему отказала. Я не знаю, зачем он меня пригласил, но точно знаю, что не хочу беречь в душе ту рану, что долго затягивалась после его измены и что иногда еще болит, несмотря на то что прошло уже десять лет.

Но вокруг слишком много народа, и если я скажу «нет», то это привлечет к нам совсем ненужно внимание. И кто-то — бывшая свекровь, Зоя, сам Стрельников или его новая пассия — непременно подумаю, что раз я не пошла с ним танцевать, значит, до сих пор не забыла его предательство.

Нет уж, такого удовольствия я им не доставлю.

И я пожимаю плечами — дескать, а почему бы и нет? — и поднимаюсь из-за стола. Мы выходим в центр зала.

Я пытаюсь убедить себя, что ничего особенного не происходит. Да, меня пригласили на танец. Обычное дело. Каждый раз, когда мы с Зоей выбираемся в ресторан по какому-нибудь поводу, меня кто-нибудь непременно приглашает танцевать. Это лишь доказывает, что я еще довольно привлекательна для противоположного пола.

Это просто ни к чему не обязывающий танец. И какая разница, что на этот раз меня пригласил именно Стрельников.

С его стороны это обычный жест вежливости. Он уже танцевал и с матерью, и с Дашей. Теперь вот дошла очередь до меня.

И какая разница, что сейчас музыканты играют одну из моих самых любимых композиций? Простое совпадение, и ничего более.

Одну руку кладу ему на плечо, а другую — в его ладонь. Да, чуть вздрагиваю от соприкосновения с ним, но, надеюсь, что он этого не заметил. Не хватало еще, чтобы он вообразил себе невесту что.

Холодно улыбаюсь и переключаю внимание со своего партнера на другие танцующие пары.

Даша танцует с Павлом Красовским. Этот парень — полная противоположность Гоши — совсем не пай-мальчик. Троечник и отнюдь не эрудит. Но зато он отчаянно смел и прекрасно играет на гитаре. Меня вообще сильно удивляет тот факт, что среди друзей моей дочери подобрались столь разные люди.

— Поговорим? — отвлекает меня от размышлений Стрельников.

Ах, вот зачем он меня пригласил! Я испытываю одновременно и некоторое облегчение, и легкую обиду. Как, оказывается, всё банально.

— Поговорим! — киваю я в ответ.

Я и сама собиралась это сделать. Правда, не во время танца и не в ресторане. Но так, наверно, даже лучше. Пусть он сразу поймет, что его предложение бессмысленно.

— Надеюсь, ты понимаешь, что приглашение Даши в Москву — это с моей стороны не пустой разговор? Я действительно считаю, что так будет лучше.

— Лучше? — переспрашиваю я. — Для кого?

— Для всех, — невозмутимо отвечает он. — Мне кажется, я уже пояснил, почему так считаю.

— Ты про гимназию, репетиторов и университет? — уточняю я. — Прости, но это смешно. Вообще-то мы с Дашей живем не в какой-то деревне, а в городе, который считается второй столицей в России. В Питере много отличных вузов, которые ничуть не хуже московских. И ты вообще знаешь, на кого собирается учиться твоя дочь?

— Да, она сказала, что выбирает между экономическим и юридическим образованием. Но я посоветовал ей подумать насчет МГИМО. Насколько я знаю, она прекрасно владеет английским языком, а теперь изучает еще и корейский.

Да, корейским Даша занялась на фоне любви к корейским музыкальным группам. Я поначалу была уверена, что она бросит это после пары занятий, но нет, она изучала его уже второй год и даже смотрела дорамы без перевода.

Но ведь Стрельников наверняка порекомендовал ей институт международных отношений вовсе не из-за ее способностей к языкам, а потому, что это сразу придавало весомости его приглашению в Москву.

— Поступить в МГИМО — это что-то из области фантастики, — фыркаю я. — Там, наверно, учатся только дети крупных чиновников и дипломатов.

Он невозмутимо пожимает плечами:

— Она может учиться там платно. Я уже узнавал, это обойдется в семьсот тысяч в год. Я могу себе позволить дать хорошее образование единственной дочери.

Меня шокирует эта сумма. А его, кажется, нет. И если он не бравирует, то что я могу этому противопоставить? И ведь этими разговорами он давит не только на Дашу, но и на меня. И если я теперь запрещаю дочери ехать в Москву, то я сама же буду упрекать себя в том, что, возможно, лишила ее чего-то важного.

Нет, я не должна так думать! Потому что это именно то, чего он добивается. Он просто манипулирует и Дашей, и мной.

— А ты уверен, что Лана хочет взваливать на себя такую обузу? Она наверняка хочет воспитывать своих детей, а не твою шестнадцатилетнюю дочь.

— У меня достаточно большая квартира для того, чтобы в ней было много детей. А что касается воспитания Даши, то я уверен, что Лана легко найдет с ней общий язык.

— Ну, да, — я не удерживаюсь от шпильки, — ведь у них небольшая разница в возрасте.

Я только сейчас замечаю, что первая медленная композиция уже сменилась другой. Впрочем, не мы одни продолжаем топтаться на месте. Хотя наша пара наверняка вызывает вопросы у некоторых зрителей. Я почти физически ощущаю спиной чей-то пристальный взгляд.

— Рита, не пытайся меня уколоть! Если ты хорошенько подумаешь, то поймешь, что переезд Даши в Москву — это благо и для тебя.

— Вот как?

— Да! Потому что если дочь будет жить со мной, может быть, ты, наконец, займешься и своей личной жизнью.

Глава 6

— Что? — его слова кажутся мне почти пощечиной. — Что ты сказал? А ты не думаешь, что моя личная жизнь — это не твое дело? Что право говорить об этом ты потерял еще десять лет назад. И то, что у меня сейчас происходит, тебя не касается ни в малейшей степени.

Меня уже трясет от его наглой физиономии, на которой сейчас не появилось ни тени сожаления.

— Рита, вообще-то я пытаюсь проявить о тебе заботу, — как ни в чем не бывало говорит он.

— Спасибо, — шиплю я, — только я в этом не нуждаюсь. А что касается переезда Даши к тебе, то ты хоть понимаешь, сколько разных вопросов тебе каждый день придется решать, если рядом с тобой будет дочь-подросток? Ты вообще представляешь, что это такое — заботиться о ребенке? Ты десять лет не сильно ею интересовался!

А вот теперь он мрачнеет. Признаться, тут уже я немного перегнула палку. Дашей все эти годы он интересовался. Но на расстоянии.

— Маргарита, ты не хуже меня знаешь, почему я вынужден был мотаться все эти годы по стране, — басит он. — Я строил собственный бизнес с нуля, мне никто ничего не преподнес на блюдечке с голубой каемочкой. Я всё выгрызал своими собственными зубами. И если я сейчас могу позволить себе оплатить учебу дочери в хорошем вузе, то это именно потому, что пахал эти десять лет как раб на галерах. Зато теперь, когда я передал часть функций по управлению своим замом, я могу сосредоточиться на своей семье.

Да, то, что он пахал, я знаю. Это видно по тем алиментам, что он платил. Их сумма росла год от года.

— И, между прочим, это именно ты была причиной того, что я когда-то сменил место в офисе на собственное дело.

Он напоминает о том, что я все эти годы пытаюсь забыть — его измену. Потому что случилась она с его коллегой по торговой фирме, в которой он тогда работал. Он был начальником отдела продаж, а та девица — его подчиненной.

— В твоей измене была виновата не я, Артём. И в том, что случилось потом, тоже.

— Да какая теперь разница, Рита? — раздраженно возражает он. — Что случилось, то случилось. И сейчас я даже благодарен тебе за то, что ты тогда настояла на разводе. Потому что если бы я остался с тобой, то ничего бы этого не было — ни собственного бизнеса, ни квартиры в Москве, ни дорогой машины. Я бы так и руководил, наверно, тем отделом продаж.

Это тоже звучит обидно. Как будто бы, только расставшись со мной, он обрел крылья.

— Мы сильно отклонились от темы, — напоминаю я. — Давай вернемся к Даше. Я буду искренне тебе благодарна, если ты сам скажешь ей, что погорячился, и что будет лучше, если она окончит именно ту школу, в которой она училась все эти годы. Здесь, в Питере, тоже есть отличные репетиторы, которые смогут подготовить ее к поступлению в вуз. И если она выберет МГИМО, я не буду возражать. Вот тогда, получив аттестат, она и приедет к тебе в Москву. А пока она может приехать к тебе на каникулы.

Мне кажется это разумным. Я уверена, он и сам прекрасно это понимает, но возражает мне лишь из упрямства и желания мне досадить.

— А давай ты не будешь решать за Дашу? Ей уже шестнадцать. Она сама может выбрать, с кем из нас она хочет жить. И неужели ты думаешь, я стану удерживать ее насильно, если ей у нас не понравится?

— Ну, это же не дело — в десятом классе менять школу по несколько раз! — возмущаюсь я. — Даша — не игрушка. А если она станет обузой для твоей будущей жены? Вдруг они не сойдутся характерами. Как ты будешь выбирать между ними?

Вообще-то Дашка может не сойтись характером и с ним самим, но это я сказать не решаюсь, чтобы еще больше его не разозлить. Мне еще хочется договориться с ним по-хорошему.

Ответить он не успевает. Музыка стихает, и я отступаю от Стрельникова на шаг. Он провожает меня к столу, а сам возвращается в середину зала уже с Ланой. И они, надо признать, довольно неплохо зажигают под рок-н-ролл. И вдруг оказывается, что этот танец умеют танцевать и нынешние школьники.

— А вы неплохо смотрелись вместе, — говорит Зоя. Но когда я бросаю на нее осуждающий взгляд, она оправдывается: — Ну, извини. Я просто ужасно расстроена. Я так хотела, чтобы вы опять были вместе, а тут вдруг откуда ни возьмись появилась эта лахудра.

— Зоя, мы со Стрельниковым не можем быть вместе! После того, что случилось, не можем. Но, я надеюсь, что мы с ним можем общаться как нормальные взрослые люди — хотя бы потому, что у нас есть общая дочь.

Мне не нравится этот разговор, и я отправляюсь в дамскую комнату припудрить носик. Смотрю там на себя в зеркало и замечаю какой-то лихорадочный румянец на щеках. Неужели я так разнервничалась из-за разговора с Артемом?

Дверь открывается, и Лана подходит к соседнему умывальнику.

— Ужасно тут жарко, правда? — она улыбается. — Вы извини, мы, наверно, как снег на голову вам свалились? Я говорила Тёме, что этот разговор нужно было начать заранее, а не в ресторане. Тогда, может быть, вы отнеслись бы к этому по-другому.

— Я в любом случае отнеслась бы к этому именно так, — холодно отвечаю я. — Конечно, Даша будет решать сама, но я надеюсь, что она останется со мной в Петербурге. А вот после окончания школы она уже выберет, в каком городе она захочет жить.

— Вот как? — правая бровь ее изумленно выгибается. — А вам не кажется, что вы сейчас думаете не о дочери, а исключительно о себе? В вас говорит уязвленное самолюбие. А может быть, вы расстраиваетесь из-за того, что в случае, если Даша переедет в Москву, вы лишитесь довольно значительной суммы алиментов, которую Тема каждый месяц вам перечисляет? И кстати, в этой ситуации алименты должны будете платить уже вы, а не он.

Глава 7

Я смотрю на нее и не понимаю, шутит она или говорит серьезно. Ну невозможно же на самом деле думать, что я не отпускаю дочь в Москву из-за каких-то алиментов?

— Простите, Лана, но по себе людей не судят, — я, наконец, обретаю дар речи. — И если именно вы подняли эту тему, то, значит, волнует она как раз вас. Кажется, это вы с Артёмом решили, что слишком большую сумму платите Даше. Но если вы надеетесь сэкономить, то у вас вряд ли это получится, потому что гимназия и репетиторы наверняка обойдутся вам куда дороже. Так что советую еще раз хорошенько подумать, прежде чем настаивать на своем предложении. И еще — вы уверены, что готовы взять на себя ответственность за шестнадцатилетнюю девочку, у которой не самый простой характер? Смотреть, чтобы она ела не только чипсы, а и что-то полезное? Напоминать, чтобы в морозы она надевала теплые колготки? Интересоваться ее школьными проблемами?

Я замечаю, что при каждой моей фразе Лана всё больше мрачнеет. А ведь это лишь та часть айсберга, которая всем видна.

— Уверена, мы сможем найти с ней общий язык, — цедит она сквозь зубы.

Но я понимаю, что говорит она это лишь для того, чтобы выйти из этой ситуации победительницей.

Наш разговор прерывает приход Эльвиры Аркадьевны. Она, конечно, сразу замечает наши напряженные лица.

— Вижу, что вы уже познакомились. Вот и хорошо. Если Дашенька будет жить в Москве, вам придется часто общаться.

Похоже, о планах Стрельникова забрать Дашу к себе знали все, кроме меня.

— Ланочка, тебя там ищет Тёма!

Она тактично спроваживает будущую невестку и остается с бывшей.

— Какой чудесный получился праздник, правда? — кажется, она улыбается. По ее лицу это не всегда поймешь, потому что и улыбаться она старается так, чтобы это не привело к тем самым мимическим морщинкам, за наличие которых она упрекнула Зою.

Я молча киваю. За эти десять лет мы с Эльвирой Аркадьевной в основном общались по телефону. Да даже когда мы с Артемом были женаты, мои отношения со свекровью трудно было назвать идеальными. Она всегда ухитрялась негласно дать мне понять, что я «не их поля ягода».

Мой папа был инженером, а мама воспитательницей в детском саду. Обычная семья, не идущая ни в какое сравнение со Стрельниковыми. Отец Артема был чиновником довольно высокого для города ранга, а потому у них была большая квартира и служебная машина.

Правда, в отличие от многих своих коллег, Макар Андреевич был человеком порядочным, взяток не брал и из городской казны ничего не тасил, а потому большого наследства жене и сыну не оставил — только ту самую квартиру да личную, уже не новую машину. Но от прежних амбиций Эльвире Аркадьевне избавиться так и не удалось.

— Надеюсь, Маргарита, ты не станешь лишать Дашеньку тех возможностей, что ей открываются с переездом в Москву? — спрашивает она, глядя на меня поверх очков в модной оправе. — Ты никогда не сможешь дать ей то, что может дать Артём.

— А он не сможет дать ей того, что могу дать я, — я совсем не хочу с ней ссориться, но она не оставляет мне выбора. — И если они с Ланой вот-вот поженятся, им будет совсем не до Даши.

— С чего ты взяла? — усмехается она. — Дочь — это дочь, и она никогда не отойдет для него на второй план. И у них есть домработница, которая готовит, стирает белье и убирает квартиру. Это делает быт значительно проще. А ты почти всё время на работе, и у тебя тоже

не слишком много времени остается на Дашу. И вы же сможете общаться с ней по телефону. И на каникулы она будет к тебе приезжать.

Она говорит это так, словно отъезд Даши — вопрос уже решенный. И это меня бесит.

— Эльвира Аркадьевна, мы с Дашей еще ничего не решили! — резко говорю я. — И ресторан — это не то место, где следует это обсуждать.

Я вытираю руки бумажным полотенцем и иду к дверям. Довольно с меня этих бессмысленных разговоров!

А мне вслед несется:

— А мне кажется, Маргарита, Дашенька как раз уже всё решила!

В центр зала выкатывают тележку с большим и красивым трехъярусным тортом, политый белым шоколадом и украшенный бабочками и розами. Наконец-то! Сейчас гости выпьют чай с десертом и можно будет разъезжаться по домам. Музыканты уже завершили свою работу, и сейчас музыку ставит диджей.

Даша разрезает торт под бурные аплодисменты. Потом позирует для фотографа. Она наслаждается этим вечером, и я за нее рада. Но если она думает, что каждый день в семье отца для нее будет похож на этот праздник, то она ошибается.

Вряд ли Лана захочет играть роль второго плана в жизни Стрельникова. Конечно, нет. Они будут соперничать за его внимание. И рано или поздно конфликт случится.

Нужно будет сказать об этом дочери, даже если она мне не поверит. Но не сейчас, а завтра. Потому что сегодня ее день.

— Маргарита Александровна! — окликает меня Георгий Звягинцев.

Я вздрагиваю от неожиданности.

— Да, Гоша, слушаю тебя!

— А это правда, что Даша уезжает в Москву? Она сказала, что отец пригласил ее к себе.

В зале жарко, но от этих его слов мне становится холодно.

— Нет, неправда! То есть, правда, что он пригласил. Но мы с ней это еще даже не обсуждали.

Гоша выглядит как побитая собака. Наверно, точно так же выгляжу сейчас и я сама.

Мне только хочется верить, что Даша сказала это одноклассникам лишь потому, что ей захотелось похвастаться. И что на самом деле она еще ничего не решила.

Глава 8

Домой мы возвращаемся уже за полночь. Меня немного беспокоит столь позднее завершение праздника. Почти за всеми девочками приезжают родители, а вот мальчики заявляют, что они уже взрослые и способны добраться до дома сами. Но я настаиваю на том, чтобы Стрельников развез их по домам. Вижу при этом, как недовольно морщится Лана. Она уже тоже заметно устала и наверняка хочет отдохнуть. Но даже хорошо, что она видит сейчас, что даже шестнадцатилетние детки требуют заботы.

Сама я была намерена вызвать такси, но Даше надарили столько цветов и подарков, что я понимаю, что в такси мы с ними не поместимся. Артём отвозит домой и нас — только уже после того, как развозит гостей.

Лана сидит на переднем сидении рядом с ним, а мы с дочерью — на заднем, с охапками букетов. А весь багажник завален коробками и пакетами. Эльвира Аркадьевна удалилась с праздника чуть раньше.

— Я буду в Питере еще пару дней, — сообщает Стрельников, когда останавливает машину у нашего подъезда. — Нам нужно будет встретиться и поговорить.

— Давайте прямо завтра! — предлагает Дашка.

Она поочередно смотрит то на отца, то на меня. Он пожимает плечами — дескать, как скажете.

— Лучше послезавтра, — отвечаю я.

Сначала я должна серьезно поговорить с дочерью, а уже потом встречаться с бывшим мужем. Потому что я изначально знаю, что будет во время наших совместных обсуждений.

Артём помогает нам донести подарки до квартиры и обнимается с Дашей.

— Спокойной ночи, папочка! — он целует его в щеку.

— Спокойной ночи, дорогая!

От этой сцены меня передергивает. За те десять лет, что мы в разводе, все случаи, когда он желал дочери спокойной ночи, можно пересчитать по пальцам. Обычно они разговаривали урывками, между его бесконечными совещаниями, деловыми встречами и перелетами. Я понимаю, что не вполне к нему справедлива (всё-таки от дочери он никогда не отказывался), но ничего не могу с этим поделать.

Да, он помогал нам деньгами. И наверняка и в самом деле пахал как лошадь, чтобы этих денег было больше. И тех алиментов, что он нам присылает, вполне хватает на удовлетворение Дашиных потребностей и даже остается, и я могу каждый месяц класть на открытый на имя дочери счет определенную сумму.

Но ведь помимо денег Даша нуждалась еще и в простом человеческом общении с отцом, в его советах, в его поддержке. А ведь не раз и не два я слышала, как он говорил ей по телефону: «Прости, Дашуля, я занят. Потом перезвоню». А перезванивал не всегда.

А однажды он забыл про ее день рождения, и она так и заснула с телефоном в руке, потому что была уверена, что уж в этот-то день он наверняка позвонит.

А сейчас она готова нестись на его зов как маленький щенок, который услышал голос хозяина. Она доверяет ему. Она ждет от него только хорошего и наверняка окажется не готова к тому, что он не сможет уделять ей всё свободное от работы время. И рано или поздно она поймет, что за это время ей придется соперничать с Ланой. И это соперничество не всегда будет заканчиваться ее победой.

— А папа у нас красивый, да? — спрашивает Даша, когда прежде, чем лечь в кровать, мы еще пьем на кухне чай. — Он понравился всем моим одноклассникам.

Она говорит «у нас», и словно ножом проводит мне по сердцу. Это «у нас» было давно, до той измены, после которой я напрочь перестала кому-либо доверять. Потому что если предают самые близкие, то чего ждать от других?

Это тогда он был наш — мой и Дашкин. А теперь он чужой, и от него, даже когда он улыбается, веет холодом.

Дочь замечает мое мрачное лицо и вздыхает:

— Мам, ну столько лет уже прошло! Может быть, хватит на него дуться? Каждый человек имеет право на ошибку.

Ошибка? Нет, дорогая! Ошибка — это когда ты забыл купить хлеба на ужин или заменить лампочку в прихожей. А когда ради удовлетворения сиюминутного желания ты пожертвовал своей семьей, это называется совсем по-другому.

Но вслух я этого не говорю. Я никогда не настраивала Дашу против отца. Но ведь он косвенно предал не только меня, но и ее. Лишил ее нормальной полноценной семьи, где есть не только мама, но и папа. Лишил совместных выходных на пляже или в зоопарке и вечерних чтений сказок. Это я, а не он учила ее ездить на двухколесном велосипеде и кататься на лыжах. Это я смазывала ей зеленкой те содранные в кровь коленки.

А теперь он появляется в ее жизни весь такой богатый и щедрый и требует свою порцию дочерней любви.

— Конечно, имеет, — соглашаюсь я. — И я на него не дуюсь. И я очень рада, что вы общаетесь. И совсем не буду возражать, если все летние каникулы ты проведешь с ним.

— Мам, ну ты же понимаешь, что дело вовсе не в каникулах! — возражает Даша. — Каникулы я, наоборот, хочу провести с тобой. А в конце августа я уеду в Москву. И пожалуйста, не отговаривай меня!

Она упрямо вскидывает голову, готовая спорить до хрипоты. И хотя обе мы устали за этот вечер и хотим спать, я всё-таки продолжаю разговор:

— Даша, это не то решение, которое нужно принимать сгоряча. Я думаю, тебе стоит закончить школу здесь, в Петербурге, а потом уже ехать в Москву. И это же самое я скажу и твоему отцу. Потому что считаю, что так будет правильней.

— Это ты так считаешь! — дочь, словно ежик, выпускает наружу иголки. — А я думаю по-другому. И я уже в том возрасте, когда могу решать сама! Папа сказал, что я уже в четырнадцать лет могла решать, с кем именно я хочу жить.

У меня начинают дрожать губы, и Дашка подсаживается ко мне ближе, обнимает за плечи:

— Мамочка, ты только не обижайся, но я уже решила — я поеду к папе в Москву!

Глава 9

— Значит, ты ее отпускаешь? — Зоя сидит за столом напротив меня и буравит меня взглядом. — Ты уверена, что это правильно?

Я отправляю в рот еще один кусочек торта и вздыхаю:

— Хоть ты не трави душу! Конечно, это неправильно! Это понимаю я, это понимаешь ты, это понимают все разумные люди! Но ни Даша, ни Стрельников не хотят этого понимать!

— Так не отпускай! — бухтит подруга.

— Да, я могу пойти на скандал, поссориться с дочерью, — соглашаюсь я. — Но кому от этого будет легче? Она обидится на меня, а потом всю жизнь будет упрекать за то, что лишила ее чего-то важного. Артём и Эльвира Аркадьевна уже промыли ей мозги. Объяснили, что она имеет право принимать такие решения самостоятельно.

— И в самом деле имеет?

— Да, ей же уже шестнадцать. И знаешь, я тут подумала, что ведь она и в самом деле уже взрослая. Я в шестнадцать уже училась в техникуме и жила в общежитии. И родители отпустили меня в другой город.

Сейчас, глядя на Дашу, я уже почти не верю в это. Мне кажется, что она совсем еще ребенок.

— Ну, так-то да, — задумчиво кивает Зоя. — Но ты всегда так ее опекала!

— В том-то и дело. Наверно, я чересчур над ней тряслась. А нужно было приучать ее к самостоятельности. Но мне казалось, что еще слишком рано.

— Ну, ничего! — подбадривает меня Дубинина. — Она же не в общежитие едет, а к родному отцу. А у него там и домработница, и личный водитель, и молодая жена. Всяко ребенок без присмотра не останется.

Я и сама пытаюсь убедить себя в том же самом. Что я зря паникую, что Даша едет не к чужим людям, и что Артем разумный человек, который прекрасно осознает, во что ввязывается. Но всё равно продолжаю сомневаться.

— А вдруг ей не понравится в новой школе? — делюсь я своими переживаниями. — Стрельников говорит, что это хорошая гимназия. Но там наверняка к ученикам предъявляются высокие требования. А если Даша не справится? Или кто-то из учителей окажется слишком строгим?

— Ой, перестань! — отмахивается подруга. — Это же платная гимназия. Там деточек наверняка в попку целуют, только бы их родители денежки платили. И я уверена, что если с кем-то из учителей у Дарьи возникнут проблемы, Стрельников найдет способ их решить.

Да, это звучит довольно убедительно. Но это еще не всё, что меня волнует.

— А если они не сойдутся характерами с Ланой? Если они начнут ссориться, на чью сторону встанет Артём?

— Тут ты права, — кивает Зоя. — Но в этом тоже нет ничего критичного. Ну, повысит Стрельников на Дашу голос пару раз, она на него разобидится и примчится домой, поджав хвост. Это же сейчас, на расстоянии папочка такой добрый и хороший. А в быту при ежедневном общении он может оказаться совсем не таким. И она поймет, что с мамой было куда лучше. А обратно в свою школу ты ее в любом случаестроишь. Ну, поживет немного в Москве и вернется.

— Но в этой элитной гимназии могут оказаться дурные дети. Кто знает, какие правила там установлены? А если они ее обидят?

Это пугает меня, пожалуй, больше остального. Я сама работаю в школе и знаю, насколько жестокими и неуправляемыми могут быть ученики.

— Перестань себя накручивать! — фыркает Зоя. — Дарья общительная девушка, и она отнюдь не робкого десятка. Она сама кого хочешь может обидеть. К тому же ты сама можешь съездить к ней в Москву, побывать в ее гимназии и поговорить с директором и учителями как коллега с коллегами.

Да, разумеется! И как я сама об этом не подумала?

— А Стрельников уже уехал в Москву? — Дубинина считает, что обсуждаемый вопрос уже исчерпан и переключается на другой.

— Нет, мы сегодня вечером встречаемся с ним в ресторане. Будем обсуждать Дашин переезд. Хочу, чтобы он записал всё то, на что ему теперь придется каждый день обращать внимание.

— Вечером? В ресторане? — ахает Зоя. — И что ты тут сидишь? Топай в салон красоты, сделай прическу, надень особо эффектный костюм!

— Я иду не на свидание, — возражаю я. — Обычная деловая встреча. Он предложил встретиться либо в ресторане, либо у нас дома. Но я не хочу, чтобы он приезжал к нам домой. И он наверняка придет с Ланой. И это даже хорошо, потому что я хочу, чтобы и она послушала всё то, что я буду ему говорить. Потому что сейчас и ей придется заботиться о моей дочери.

— Тем более, ты должна выглядеть особенно красиво! Чтобы выигрышно смотреться на фоне его любовницы.

Зоя говорит об этом так настойчиво, что мне становится смешно.

— Она не любовница, а любимая женщина. И скоро станет его женой. А я его бывшая. Мы с ним бывшие, понимаешь? И будет глупо, если я приду на встречу, разряженная как павлин. А чтобы выигрышно смотреться на фоне Ланы, мне нужно помолодеть лет на пятнадцать.

Она настаивает на том, чтобы я сменила блузку и брюки на вечернее платье. Но я не делаю этого. И ресницы, и губы крашу лишь совсем чуть-чуть, чтобы не казаться бледной молью. А потом пью валерьянку — на всякий случай, чтобы не сорваться по какому-нибудь пустяку.

И когда Стрельников звонит и сообщает, что он уже у нашего подъезда, я выхожу из квартиры спокойная как удав.

Он ждет меня у машины и почему-то распахивает не заднюю, а переднюю дверцу со стороны пассажирского сиденья.

— А Лана? — удивленно спрашиваю я.

— Я решил, что нам удобнее будет обсудить это вдвоем. Ну, что поехали?

Я киваю и сажусь в машину. И через четверть часа мы входим в один из самых дорогих и статусных ресторанов города. Ну, кто бы сомневался, что Стрельников выберет что-то подобное? Хотя какая разница? Мы приехали сюда, чтобы просто поговорить, и ресторан — это всего лишь антураж.

Глава 10

Мы делаем заказ (я беру овощной салат и запеченную рыбу), и когда официант, налив нам в бокалы минеральной воды, отходит от стола, Стрельников говорит:

— Ты молодец, что решилась отпустить Дашу. Приятно удивлен, не ожидал.

Я считаю до десяти, чтобы не ответить слишком резко.

— Наша дочь уже достаточно взрослая, и если ей хочется попробовать чего-то нового, то пусть пробует. Я только надеюсь, что ты понимаешь, что тот факт, что ей шестнадцать лет, не означает, что ее совсем не нужно контролировать. У нее сейчас тот самый возраст, когда она может неправильно расставить приоритеты и наделать кучу ошибок. Тем более, что она пойдет в новую школу, и там всё для нее будет чужим. Она ведь уезжает не только от меня, но и от друзей. Там ей придется заводить новых, и кто знает, какими они окажутся.

Я всё-таки начинаю нервничать и замолкаю.

А Артём кивает:

— Насчет школы не беспокойся. Сын моего друга ходит как раз в эту гимназию, и ему там очень нравится. И разумеется, я побеседую с директором и завучем, и если понадобится, то и со всеми учителями.

— И будешь каждый день спрашивать у нее, как дела на учебе, — требую я. — И запишешь номера телефонов ее одноклассников. И не позволишь ей возвращаться домой слишком поздно.

— Слушаюсь! — улыбается он.

Меня немного напрягает, что он относится к этому словно бы не слишком серьезно. Наверно, еще не осознает всю ответственность, которую он на себя принимает.

— Это очень важно! — подчеркиваю я.

— Ты думаешь, я сам этого не понимаю? Я, может быть, буду опекать ее еще сильнее, чем ты сама. Потому что у отцов на этой теме крышу сносит куда больше, чем у матерей. Тем более, что я мало с ней общался, и у меня куча нерастроченной заботы. Она еще станет тебе на меня жаловаться. И я познакомлюсь с каждым из ее новых друзей, особенно если они будут мужского пола.

Ну, что же, хотя бы этот вопрос мы прояснили, и меня это радует.

— Будут еще какие-то указания? — спрашивает Стрельников после того, как мы разделяемся с салатами.

— Да, — подтверждаю я, — обрати внимание на то, чтобы она одевалась по сезону. А то она может на мороз выйти в капроновых колготках. И чтобы она не перекусывала на ходу, а нормально ела.

— О, об этом тоже не думай! — ухмыляется он. — Наша домработница Кира готовит так, что пальчики оближешь. Даше наверняка понравится. Мы даже суши и роллы теперь едим исключительно в домашнем исполнении, потому что ни в одном ресторане такого не подадут.

Отлично! Значит, голодной дочь точно не останется.

Но больше всего меня сейчас волнует вопрос ее взаимоотношений с Ланой, но как подойти именно к этому аспекту, я не знаю и решаю, что займусь этим перед десертом.

Мы едим мясо, при этом Стрельников ухитряется ответить на пару деловых звонков. И когда пустые тарелки уносят, а перед нами ставят вазочки с мороженым, я всё-таки спрашиваю:

— Прости, но ты в самом деле уверен, что Даша вам с Ланой не помешает? Может быть, твоя девушка просто стесняется сказать тебе, что эта затея ей не нравится?

— Рита, — хмурится он, — мы с Ланой обсуждали это неоднократно. Уверяю тебя, что она вовсе не против того, чтобы моя дочь жила вместе с нами.

Я с трудом сдерживаю смешок. Конечно, вряд ли она заявит ему это напрямую. Может быть, она до сих пор надеется, что Дашу я в Москву не отпущу, и тем самым, вопрос решится без ее участия.

— Но если в их отношениях возникнут проблемы...

Но он не дает мне договорить.

— Послушай, Рита, я вовсе не рассчитываю на то, что они станут подружками. Этого ведь и не требуется, правда? Но они обе уже достаточно взрослые для того, чтобы научиться подстраиваться друг к другу. Да, я понимаю, что конфликты неизбежны, но они случаются в любой, даже самой любящей семье. Разве не так? И не накручивай себя заранее. В конце концов, Даша едет не куда-нибудь в лес, где не будет телефонной связи. Ты всегда можешь ей позвонить. А она может позвонить тебе. И если тебе покажется, что не всё в порядке, то сообщи об этом мне, и я всё решу.

Я знаю, что это отнюдь не пустые слова. Все семь лет нашего брака я действительно была за ним как за каменной стеной. Все сложные ситуации он решал именно сам. А потом эта каменная стена вдруг рухнула, и мне пришлось привыкать совсем к другому.

— А когда у вас с Ланой свадьба?

Я задаю этот вопрос не просто так, а потому что прекрасно понимаю, что после того, как эта девушка станет законной супругой Стрельникова, она наверняка будет куда смелее высказывать собственное мнение. И прав у нее как у жены будет куда больше.

— А причем тут это? — удивляется он. — Наличие или отсутствие штампа в паспорте на мое отношение к дочери никак не повлияет.

— На твое — может быть, — соглашаюсь я. — А вот на отношение Ланы не исключено, что повлияет. Она уже сейчас трепетно заботится о твоих деньгах. А что будет потом, когда бюджет станет общим?

— Не понимаю, о чём ты? — он снова хмурится. — Я зарабатываю достаточно, чтобы обеспечить свою дочь всем необходимым.

Я пожимаю плечами.

— Кажется, твоя невеста думает по-другому. Потому что она сказала мне, что после того, как Даша переедет к вам в Москву, алименты на дочь должна буду платить уже я.

Глава 11

— Что? Ты шутишь? — он смотрит на меня непонимающе.

— Она сказала мне это в ресторане, — невозмутимо поясняю я. — Она решила, что я не отпускаю Дашу к тебе потому, что не хочу потерять алименты, которые ты платишь на дочь.

Может быть, я не должна была этого говорить, но я не жалею о том, что сказала. Он должен знать, что в голове у девушки, на которой он собирается жениться.

— Наверно, ты чего-то не поняла, — после паузы предполагает он. — Может быть, Лана просто пошутила, а ты восприняла это всерьез. Моя невеста достаточно хорошо обеспечена, чтобы думать, а тем более, говорить с тобой об этом. А уж ожидать, что я потребую с тебя алименты, она не может даже в бреду. Тем более, что алиментов с твоей зарплаты мне не хватит даже на то, чтобы сходить в ресторан.

Я вижу, что ему неприятна эта тема. И именно поэтому он старается отшутиться. Конечно, кому понравится слышать такое о любимой девушке.

— Ладно, — соглашаюсь я, — будем считать, что она пошутила. Она ведь сама наверняка зарабатывает куда больше, чем я. Блогер это же, кажется, весьма доходная профессия.

Но потому, как дергается уголок его рта, я понимаю, что снова попала в слабое место Ланы. Неужели она ничего не зарабатывает и сидит у него на шее? А может быть, она как раз рассчитывала, что он инвестирует свои средства в ее бизнес и поможет ей раскрутиться? Потому и расстроилась, когда поняла, что и внимание, и деньги будут делиться между нею и Дашей.

— Кстати, еще в ресторане хотела спросить — а Лана это ее настоящее имя? Или это уменьшительное от Светланы?

Он хмыкает:

— Да, уменьшительное. Но ей нравится, когда ее называют именно так.

Я с трудом сдерживаю улыбку. Надо будет как-нибудь при встрече назвать ее Светой. Почему бы и нет?

— Чтобы решить вопрос с гимназией, мне потребуются Дашины документы и справки из школы, — со щекотливых вопросов он предпочитает переключиться на то, ради чего мы сегодня встретились. — Пришли мне сканы. И еще — в качестве подарка на день рождения она выбрала поездку в Южную Корею. Сначала она думала о Японии, но решила не упускать возможность попрактиковаться в языке, который изучает. Я всё оплачу, но мне нужно знать, когда у нее начинаются каникулы, чтобы не промахнуться с выбором тура. И потребуется твое нотариально заверенное согласие на выезд из страны.

Я снова начинаю ощущать беспокойство — теперь уже по поводу этой поездки.

— Не может быть и речи, чтобы она поехала одна! — я говорю это слишком резко и тянусь за бокалом с минералкой, потому что от одной только мысли о том, что Даша окажется одна в чужой стране, меня бросает в жар. А потом меня бросает еще в больший жар при мысли, что Стрельников может подумать о том, что я пытаюсь выклянчить у него путевку еще и для себя. — Ты должен поехать с ней! Надеюсь, ты можешь себе это позволить?

— Разумеется! — он небрежно пожимает плечами. — И я рад, что ты это предложила. Тогда обсуди это с Дашей. Надеюсь, она не расстроится, когда узнает, что поедет туда не одна.

У него звонит телефон, и на экране появляется фотография Ланы. И чтобы поговорить, он выходит из зала. А я достаю зеркальце и поправляю помаду на губах. А еще пытаюсь вспомнить, все ли вопросы, связанные с переездом Даши, мы уже обсудили.

И когда Артём возвращается, я спрашиваю, далеко ли от их дома находится гимназия.

— Нет, по меркам Москвы недалеко. Но ты не волнуйся, первое время ее будет возить туда мой водитель. Но я уверен, что она быстро освоится.

Он оплачивает счет, и мы выходим из ресторана. Уже вечер, но сейчас сезон белых ночей, и на улице светло, словно днем.

— Иногда я по этому сильно скучаю, — кажется, Стрельников тоже думает именно об этом. — И по парадным, и по поребрикам.

Он улыбается, и пусть и всего на одно мгновение, но мне кажется, что мы словно возвращаемся в прошлое — туда, где мы были молодыми и счастливыми. И такими же вот белыми ночами до утра гуляли по городу и любовались разводом мостов.

Он родился и вырос в Питере, а вот я была из понаехавших, и он показывал мне город и рассказывал местные легенды. А я слушала его, открыв рот. А сколько раз мы попадали под дождь, и я шлёпала по лужам в своих тряпочных босоножках, а потом сушила их в общежитии феном.

Я мотаю головой, отгоняя от себя эти воспоминания. Сейчас они совсем ни к чему. Потому что всё это осталось там, в нашем общем прошлом, которое Стрельников перечеркнул.

Он довозит меня до дома и выходит из машины вместе со мной.

— Был рад с тобой увидеться, Рита! Как видишь, мы вполне можем общаться как нормальные взрослые люди.

Это упрек в мой адрес, потому что после нашего развода я долгое время не отвечала на его звонки и категорически отказывалась с ним встречаться. О встречах с дочерью он договаривался со мной через смс. Глупо? Да, возможно. Со временем это прошло, и мы начали разговаривать по телефону, и теперь напоминать об этом было не очень-то красиво с его стороны.

Я киваю — дескать, да, тоже была рада — и захожу в подъезд.

А дома дочь встречает меня восторженным:

— Мам! А мне звонила Лана! Она сказала, что если я захочу, то она поможет мне завести свой блог на рутубе!

Руки у меня непроизвольно сжимаются в кулаки. Этого нам только не хватало! Ей нужно думать об учебе, а не о дешевой популярности в интернете. Да даже если это и способно приносить доход, то не в десятом же классе!

Но Лану я прекрасно понимаю — она хочет добиться расположения моей дочери. И если я сейчас начну ругаться, то как раз буду лить воду на ее мельницу. Нет уж! Спокойней, Рита! Я объясню всё Даше, но не сейчас.

И я широко улыбаюсь:

— Свой блог? Ого, как интересно!

Глава 12

— Мам, ну я же не в лес еду и не в какую-нибудь глухую деревню, — фыркает Даша, когда я помогаю ей укладывать в чемодан вещи. — Ты мне столько советов надавала, что у меня уже гудит голова.

Она улыбается, но я чувствую ее напряжение. Она тоже нервничает, хоть и старается этого не показать.

Она впервые уезжает из дома одна, и я уверена, что ее многое пугает. И хотя держится она хорошо и изо всех сил пытается показать, что она уже взрослая и очень независимая, я вижу ее беспокойно мечущийся взгляд, и ее сомнения. Она помногу раз перекладывает вещи с места на место, то добавляя одежду в чемодан и дорожную сумку, то снова вынимая их оттуда.

— Такие джинсы уже никто не носит, да? — застывает она с любимыми джинсами в руках.

— Какая разница, Дашуля? — возражаю я. — Тебе же они нравятся.

Я всегда учила ее тому, как важно иметь собственное мнение. Но сейчас ей кажется, что Москва — это что-то совсем другое, особенное, и ей не хочется оплошать и допустить ошибку.

— Ну, да, — неуверенно кивает она и всё-таки кладет джинсы в чемодан. — В конце концов, если окажется, что моя одежда уже не модная, папа сможет купить мне новую.

А вот тут я неодобрительно качаю головой. Я уже говорила ей о том, что она не должна ничего просить или требовать у своего отца. Я совсем не хочу, чтобы она выросла потребительницей. Мне хотелось бы, чтобы она умела ценить деньги и понимала, как непросто они зарабатываются.

— Мам, да знаю я, знаю! Не будь душнила! — недовольно тянет она, предвосхищая мое возражение. — Но ты же понимаешь, что для школы мне потребуется новая форма. Я не могу прийти туда в каком-то кринжовом шмоте.

Теперь уже фыркаю я. Молодежный сленг иногда сводит меня с ума. И хотя я довольно неплохо его понимаю (всё-таки работа в школе дает о себе знать), я предпочла бы, чтобы моя дочь говорила на более традиционном языке.

Хотя в глубине души я понимаю, что это всего лишь мои придирки. Моей маме тридцать лет назад точно так же, наверно, не слишком нравились те новомодные словечки, которые я тогда использовала. И она тоже морщилась, когда я говорила «отпад», «ништяк» или «в натуре».

Мы с трудом закрываем чемодан и идем на кухню пить чай.

— Даша, только прошу тебя, никуда не ходи по вечерам одна! И всегда держи телефон включенным!

— Мамочка, мне уже шестнадцать, — напоминает она. — И пока я еду в Москву всего на месяц. А в конце июля я вернусь в Питер и буду с тобой до начала учебного года.

Сейчас она едет в столицу, чтобы посмотреть на гимназию, познакомиться с директрисой и с тем самым мальчиком, про которого говорил Артём. Так она уже заранее настроится на новую волну, и ей будет не так страшно.

А еще они с отцом на неделю слетают в Южную Корею, и этого путешествия Даша ждет с огромным нетерпением и обещает каждый день отправлять мне кучу фоток.

На вокзал мы приезжаем на такси. До отправления «Сапсана» еще полчаса, и мы стоим на перроне вместе с Дашиными одноклассниками — Гошей, Павлом и Полиной Гороховой. Вся четверка мушкетеров в сборе.

Гоша с Пашей стараются держаться невозмутимо, а вот у девчонок глаза на мокром месте. И пусть сейчас они расстанутся всего на месяц, они прекрасно понимают, что это лишь репетиция отъезда Даши на куда более длительный срок. А быть может, Москва настолько понра-

вится ей, что она вообще не захочет возвращаться в Питер. Я стараюсь не думать об этом, но понимаю, что так может быть.

— Ну, вы чего? — шмыгает носом Даша. — Мы же будем общаться по видеосвязи. И я буду сюда часто приезжать. Всего-то четыре часа в пути. А потом, когда я там обустроюсь, вы сможете приезжать ко мне на выходные. У папы в квартире есть отдельная гостевая комната, и я уже спрашивала у него, он не возражает.

Эту фразу она произносит с гордостью.

Эльвира Аркадьевна приезжает на вокзал за десять минут до отправления поезда. Как всегда элегантно одетая и очень чопорная. Здравается со мной и с Дашиними друзьями, обнимает внучку. Мушкетеры сразу откланиваются.

А мы с бывшей свекровью дожидаемся отправления поезда и машем Дарье рукой до тех пор, пока она может нас видеть.

— Я рада, что ты приняла разумное решение, Маргарита! — говорит Эльвира Аркадьевна, когда мы медленно идем по перрону. — Учеба в Москве пойдет Даше на пользу.

Я надеюсь, что это так, но почему-то совсем не уверена в этом. Поэтому ничего не говорю в ответ. Но собеседница в моем ответе, кажется, и не нуждается.

— Думаю, Лана сможет научить нашу девочку тому, чему не смогла бы научить ты!

От неожиданности я даже останавливаюсь и смотрю на бывшую свекровь с возмущением. Это еще что такое?

— И чему же, например?

— Быть модной, шикарной, целеустремленной, — невозмутимо перечисляет она. — К сожалению, у тебя, Маргарита, этих качеств нет и никогда не было.

Да, я никогда не гналась за модой и не шла к цели напролом, но слышать от нее такое всё-таки довольно обидно.

— И десять лет назад ты упустила мужчину, за которого должна была держаться обеими руками! — заявляет она и для убедительности даже решительно кивает.

— Держаться? — ахаю я. — За мужчину, который мне изменил?

Эльвира Аркадьевна вряд ли может понять, что я чувствовала тогда. Потому что её-то муж, учитывая его порядочность, наверняка никогда не предавал.

— Да, такое иногда случается, — соглашается она, — но мудрая женщина сделала бы всё, чтобы сохранить семью. А ты пошла на поводу у своих эмоций. И ты никогда не думала, почему Тёма тебе изменил? Может быть, причина была в тебе, а не в нём?

Глава 13

Она невзлюбила меня сразу же. Помню, когда Артём привел меня к ним в дом, чтобы познакомить со своими родителями, она окинула меня оценивающим взглядом и закатила глаза. Конечно, вслух она ничего уничижительного не сказала — не хотела ссориться с сыном. Но всё было понятным и без слов.

И если я всегда чувствовала ту теплоту, что шла от Макара Андреевича, то от свекрови всегда веяло холодом.

Хотя я могла ее понять — я была недостаточно хороша для ее единственного сына. Она мечтала, что он женится на девушке из интеллигентной петербургской семьи с хорошими связями. А он привел в дом какую-то дворняжку. И она никогда не забывала напомнить мне, что я провинциалка. И не просто провинциалка, а девушка из деревни. Я не так говорила, не так одевалась, водила дружбу не с теми людьми. Я всё делала не так, как ей бы хотелось.

Наверно, если бы не свёкор, она свела бы меня с ума. Но Макар Андреевич умел ее осадить — тактично, но твёрдо. И именно он целиком и полностью одобрил наше решение снимать квартиру. И только там, в съемной квартире, я впервые по-настоящему почувствовала себя женой и хозяйкой.

А через год после рождения Даши мы взяли в ипотеку новую квартиру. Тогда Стрельников действительно пахал как вол, чтобы быстрее расплатиться по кредиту. И он быстро стал начальником отдела продаж. Казалось, всё шло замечательно, и мы уже мечтали о втором ребенке.

А потом... Потом я повезла шестилетнюю дочку на лето к своим родителям в деревню. А когда вернулась, застала мужа с голой девицей из его же отдела продаж.

И нет, у нас с Артёмом до этого не было ни недопонимания, ни скандалов. Так что виноватой в его измене я себя точно не считала.

И я вообще не понимаю, зачем моя бывшая свекровь вспомнила об этом сейчас.

— Мне кажется, Эльвира Аркадьевна, вас этот вопрос касаться не должен, — холодно отвечаю я. — Что бы там ни случилось между мною и Артёмом, это наше дело. А если вам непременно хочется об этом поговорить, то говорите с вашим сыном.

Она хмыкает и пожимает плечами.

— Ты так ничему и не научилась, Маргарита. И именно поэтому ты до сих пор одинока.

Ну, всё, с меня довольно! Я не обязана выслушивать оскорбления от совершенно чужой для меня женщины. Она мне не мать и уже даже не свекровь.

Интересно, как долго ее нравоучения станет выслушивать Лана? Хотя до свадьбы, наверно, станет. А вот после уже вряд ли. Но это уже их, не мое дело.

— Вы извините, Эльвира Аркадьевна, но я тороплюсь. Надеюсь, такси вы в состоянии вызвать сами. Всего хорошего!

Я ускоряю шаг, а вслед мне летит:

— Хамка! Да где бы ты сейчас находилась, если бы не Артём? Сидела бы в своей Тьмутаракани, а Петербург видела бы только по телевизору!

Ну, что тут скажешь, сразу видно — интеллигентный человек. И всё-таки мне немного обидно. Ведь когда мы с Артемом только поженились, я искренне старалась с ней поладить — пока не поняла, что это невозможно в принципе. Я была тогда как наивный восторженный щенок, который со всеми старается подружиться — до тех пор, пока не получает пинок сапогом. И я такой пинок получила и от свекрови, и от бывшего мужа.

Я возвращаюсь с вокзала домой, и квартира встречает меня пугающей тишиной. У Даши всегда что-то звучало — музыка из колонок, обучающее видео с компа или корейская дорама с телевизора. Да и сама она на звук открывающейся двери всегда неслась в прихожую.

А сейчас я хожу по комнатам и чувствую страшную тоску. У меня как будто вырвали кусочек сердца. Я пью чай, ем разогретые котлеты с пюре. Но всё это делаю словно механически.

И в себя я прихожу только тогда, когда звонит Даша.

— Мамочка, я уже в Москве. Да, папа встретил, едем к нему домой!

А вечером она посылает мне фотографии квартиры Стрельникова. Ну, что тут скажешь — действительно элитный пентхаус с красивым видом на город. Никакого сравнения с нашей двухкомнатной квартирой, которая десять лет назад нам с Артёмом казалась пределом мечтаний.

На следующий день дочь тоже исправно отчитывается о том, чем она занималась — распаковывала вещи, ездила с папой по магазинам, ужинали в японском ресторане.

— Ой, мамочка, а Кира — это наша помощница по хозяйству — приготовила такую пиццу, что просто пальчики оближешь!

Через два дня она рассказывает о знакомстве с новой гимназией и ее директрисой.

— Да, очень понравилось! Красивые классы и даже школьная форма красивая. И директриса вроде тоже ничего. Так что ты, пожалуйста, не волнуйся. Ой, я же забыла тебе сказать — оказывается, Лана поедет в Корею вместе с нами.

Тут голос дочери немного напрягается. Кажется, несмотря на то что Лана ей нравится, она всё-таки предпочла бы поехать в Сеул вдвоем с отцом.

Хотя я чего-то подобного как раз ожидала. Уж кто-кто, а Лана своего не упустит. И если есть возможность отправиться за границу, то почему бы ею не воспользоваться?

Меня беспокоит, как дочь перенесет длительный по времени перелет до Сеула. Она не так часто путешествовала на самолете. Но всё проходит хорошо, и ее социальные сети пестрят десятками фотографий. Они мотаются по экскурсиям и магазинам, и разумеется, ей некогда мне позвонить.

Зато, когда они возвращаются в Москву, она с восторгом рассказывает мне, что почти везде говорила на корейском, и ее даже понимали. А еще заполучила автограф какого-то поп-айдола и перепробовала кучу блюд местной кухни.

Я рада, что путешествие ей понравилось. Но сама я считаю дни до того момента, как она приедет домой, и мы целый месяц проведем с нею вместе. И вот тогда я расспрошу ее обо всём в мельчайших подробностях. Мы будем болтать вечерами, поставив на стол лоток с мороженым.

Но за неделю до своего предполагавшегося возвращения Даша звонит и виноватым голосом спрашивает:

— Мамочка, ты же не обидишься, если я задержусь в Москве еще на пару недель? Здесь ужасно интересно! Я приеду в середине августа. Нам же хватит двух недель, чтобы собрать еще кое-что из моих вещей и книг.

Хорошо, что мы разговариваем не по видеосвязи, и она не видит моего лица. Потому что по нему сейчас текут слёзы.

Глава 14

— Тебе нужно использовать это, чтобы заняться самой собой! — говорит мне Зоя, когда приезжает ко мне в выходные. — Ты посмотри, на кого ты стала похожа! На свою собственную тень. Кожа бледная, волосы тусклые. Тебе нужны витамины и положительные эмоции. Давай махнем куда-нибудь на следующие выходные! Кажется, ты хотела в Калининград? Я возьму еще пару отгулов на работе, и мы отлично погуляем.

Да, в Калининграде я еще не была, хотя мы с Дашей давно туда собирались, но всё как-то не складывалось. И действительно, с тех пор как дочь уехала в Москву, я погрузилась нет, не в депрессию, но в какую-то меланхолию. Мне даже стало лень готовить, и я перешла на готовую еду из супермаркета.

Я мотаю головой:

— Нет! Вдруг Даша приедет на неделю раньше?

Зоя вздыхает и закатывает глаза.

— Ничего страшного! Если приедет раньше, проживет несколько дней у бабушки. И не вздумай возражать! Отговорки не принимаются. Я сегодня же куплю билеты и забронирую гостиницу. А ты приведи себя в порядок! Пройдись по магазинам, зайди в парикмахерскую. Хотя бы на одни выходные, надеюсь, ты сможешь забыть о том, что ты мать, и вспомнить, что ты женщина!

Вечером она сбрасывает мне электронный билет и фотографии номера в отеле. И я неожиданно для себя воодушевляюсь. Я давным-давно никуда не ездила одна. Даже когда я отвозила Дашу на каникулы в деревню к своим родителям, я обычно занималась ремонтом или написанием рабочих программ для школы и подготовкой прочей документации. Или просто отсыпалась в отпуске в своей кровати.

Да, с дочерью мы старались выезжать на море — в Анапу, Геленджик или в Турцию. Но там большую часть времени занимали походы по аквапаркам и зоопаркам. А вот так, по-взрослому, я не отдыхала уже давно. Наверно, с тех самых пор, когда мы путешествовали вдвоем со Стрельниковым.

И половину следующего дня я провожу в магазинах. Покупаю себе солнечные очки, красивое шелковое платье и в тон к нему босоножки на невысоком каблуке. А после обеда иду в парикмахерскую и на маникюр. И когда подруга звонит мне перед сном, я докладываю, что к поездке готова.

И всё-таки до самого отъезда я переживаю, что уезжаю из дома, не предупредив об этом дочь. Я вовсе не собираюсь скрывать от нее свою поездку, но мне всё-таки как-то неловко сказать ей, что я еду туда, куда мы когда-то собирались съездить вместе.

— Рита, ну это уж совсем глупость! — возмущается Зоя, когда мы садимся в самолет. — В Калининград можно ездить столько раз, сколько захочется. Потом слетаешь туда еще и с Дашкой. Тебе нужно было просто поставить ее в известность, что ты едешь туда, вот и всё. У тебя отпуск, и ты не обязана сидеть дома.

Я киваю. Да, я собиралась об этом сказать, но мы сейчас разговариваем с дочерью по телефону уже не каждый день, как это было в начале ее пребывания в Москве, и даже не через день. И у нее всегда находится столько новостей, которые нужно обсудить, что до моих рассказов дело просто не доходит.

— Ты должна понять, что она у тебя уже взрослая. Скоро она закончит школу и поступит в университет, у нее появятся другие увлечения и привычки. А рано или поздно она выйдет замуж и сосредоточится на своей семье. И хорошо, если у нее будет получаться приезжать к тебе хотя бы пару раз в год. Ты сама когда-то поступила точно так же. Это нормально.

Да, это я понимаю и сама. У меня тоже не так часто получается вырваться к родителям в гости. Разница между мною и ими только в том, что они вместе, вдвоем, и у них счастливый брак. А еще рядом с ними мой младший брат. И мама знала, что однажды я уеду из деревни. Хотя, наверно, так же как сейчас я, тосковала, когда это случилось в первый раз.

Сердце сжимается от чувства вины. Думала ли я, когда была молодой, как непросто маме было отпустить меня в большой город? Как плакала она, должно быть, ночами, когда я забывала ей позвонить или написать. И как оправдывалась перед родственниками и соседями, когда я не приезжала домой на праздники и каникулы.

— Я привыкну, — вздыхаю я. — Просто прошло еще слишком мало времени.

Калининград оказывается именно таким, каким я его себе и представляла — красивым и стильным. И мы с Зоей исследуем его аутентичные улочки, посещаем музей янтаря и ищем маленьких хомлинов. А еще каждый вечер ужинаем в полюбившемся нам ресторанчике в Рыбной деревне и гуляем по набережной.

Время пролетает незаметно, и когда настает пора возвращаться, я ощущаю грусть. Как же всё-таки важно хоть иногда выбирать в новые места и наслаждаться новыми впечатлениями.

Когда-то Бунин сказал, что человека делают счастливыми три вещи: любовь, интересная работа и возможность путешествовать.

Работа у меня есть. И пусть кто-то не сочтет ее интересной, но она мне действительно нравится, несмотря на то что не всегда бывает благодарной. О любви я стараюсь не думать. А вот путешествия это, кажется, именно то, что мне сейчас нужно. И когда самолет взмывает в воздух, я уже мечтаю приехать сюда снова — только уже с Дашей.

Дочь приезжает в Питер только двадцатого августа.

— Мам, прости, так получилось. Папа купил билеты на классный концерт, и пропустить это было бы глупо.

Она называет какого-то исполнителя. Должно быть, очень крутого, раз это задержало ее в столице еще на неделю, но мне его имя ни о чём не говорит.

Зато, когда она узнает и моей поездке в Калининград, лицо ее обиженно вытягивается.

— Мам, ну мы же хотели поехать туда вместе!

Я редко на нее обижаюсь, но почему-то именно сейчас ее слова колют сердце.

— Дашуля, а тебе не кажется, что я тоже имею право на какие-то развлечения? Ты была в Японии, я в Калининграде. По-моему, это нормально.

Она слышит возмущение в моем голосе и сразу обнимает меня.

— Мамочка, прости! Конечно, ты имеешь на это право. Но лучше бы ты приехала ко мне в Москву. Ведь ты же приедешь, правда? Давай на следующих каникулах! Ты же должна посмотреть, как я устроилась.

Я фыркаю. Я с трудом представляю себе, что смогу прийти в квартиру Стрельникова. И мне трудно вообразить, какие лица при этом будут у Ланы и моего бывшего мужа.

Глава 15

— Гоша, ты такой смешной! — слышу я голос дочери из гостиной, где она сидит со своими друзьями. — С чего ты взял, что в Москве я заброшу учебу?

Звягинцев в их компании отвечает за хорошие отметки. Он столь серьезно относится к школе и к подготовке к поступлению в вузы, что готов тратить личное время на то, чтобы подтянуть товарищей по тем предметам, по которым они отстают.

— Здесь тебя контролировали Маргарита Александровна и я, — он отвечает на ее вопрос по обыкновению очень обстоятельно. — А там ты будешь предоставлена самой себе, а такая свобода людям неорганизованным как правило на пользу не идет.

Да, он немного зануда. Но в данном вопросе я с ним совершенно согласна. Я тоже почти уверена, что успеваемость дочери в столице снизится. И не только потому, что отец и, тем более, Лана не будут интересоваться ее отметками и домашними заданиями, но еще и потому, что процесс адаптации к новому коллективу потребует от нее слишком много усилий.

— С чего ты взял, что меня нужно контролировать? — почти обижается она. — К тому же по тем предметам, по которым я буду сдавать ЕГЭ, у меня будут репетиторы. А на медаль я и не претендую. Так что даже если у меня в аттестате будет меньше пятерок, чем прежде, это вовсе не критично.

Я проверяю стоящий в духовке клубничный пирог и недовольно морщусь — не из-за пирога, а из-за Дашиных слов. Я никогда не требовала, чтобы она училась только на отлично, но и такое изначальное снижение планки мне тоже не нравится.

— По крайней мере, обещай мне, что, если у тебя возникнут проблемы с учебой, ты мне позвонишь, — требует Звягинцев. — Думаю, я смогу объяснить тебе материал и онлайн.

— Гоша, да отстань ты со своей учебой! — сердится дочь. — Я уже наслушалась этого от мамы! Давайте я вам лучше покажу фотки из Сеула. На странице я не выложила и десятую их часть. А там есть реально классные.

Разговор переключается на того самого солиста из поп-группы, у которого Даша взяла автограф, и я сразу многое перестаю понимать. Зато Полина Горохова восторженно ахает. Они на одной волне.

А потом дочь хвастается новым парфюмом, который она привезла из Кореи. И разумеется, называет его стоимость, которая производит особое впечатление.

— Не понимаю, как можно тратить такую кучу денег на такую ерунду? — удивляется Паша Красовский.

— А тебе и не нужно понимать, — парирует Даша. — А вот Полина наверняка меня понимает.

Мальчиков же куда больше интересует корейская кухня. А когда я достаю пирог из духовки, то вопрос питания интересует уже всю компанию.

— Идите пить чай! — кричу я.

Они миглом рассаживаются вокруг стола, и я кладу каждому по большому куску пирога, предупредив, чтобы они подождали, когда он хоть немного остынет. Но они отщипывают по маленьким кусочкам, обжигая руки и губы.

— Вкуснотища! — заявляет Павел. — В Москве тебе, Дашка, такого, наверно, не испекут. Но дочь лишь небрежно машет рукой:

— Там у папы есть домработница, которая тоже умеет печь — и пироги, и пиццу, и торты.

Я понимаю, что она вовсе не хочет меня обидеть, но звучит это немного грубовато. К счастью, она осознает это и сама и торопливо исправляется:

— Хотя, конечно, как у мамочки у нее всё равно не получится.

— Домработница — это круто, — говорит Полина. — Представляете, как это здорово — не думать о стирке, готовке и приборке. Я вчера целый вечер гладила белье.

Поля — старший ребенок в семье, где еще двое маленьких детей, и ей часто приходится заниматься домашней работой, которой я свою дочь старалась не нагружать. Теперь я немного жалею об этом. Стрельников и Лана ее точно этому не научат. А когда она решит создать свою семью, ей будет этого не хватать. Если, конечно, она не выйдет замуж за человека, который сразу преподнесет ей всё на блюдечке, в том числе и домработницу, которая возьмет эти заботы на себя.

— А у папы в квартире есть паровой шкаф для одежды, — гордо заявляет Даша. — Туда просто весишь белье, а достаешь уже разглаженным.

Удобная, наверно, штука. Но в нашей маленькой квартире его даже поставить было бы некуда.

На этот раз Даша едет в Москву на «Сапсане», который отправляется рано утром, потому что на более поздние поезда билетов уже не было. И ребята не идут провожать ее на вокзал. И они обнимаются сейчас в прихожей. И Даша с Полиной шмыгают носами.

— Приезжай домой почаще! — просит Горохова.

— Не уверена, что у меня получится. В новой школе наверняка будут много задавать. А еще куча занятий с репетиторами. И я же говорила вам, что хочу снимать видеоблоги. Так что лучше вы приезжайте ко мне. У вас-то больше свободного времени, — она произносит это с ноткой небрежной снисходительности.

Ребята уходят, а Даша возвращается ко мне на кухню.

— Они такие смешные, — хмыкает она. — Они от меня впервые услышали про умное мусорное ведро.

— Даша, — я укоризненно качаю головой, — вообще-то ты и сама узнала про такое ведро совсем недавно. И я надеюсь, что пребывание в Москве не повлияет на твои отношения с ребятами. Дружбу нужно ценить.

— Конечно, мам! — она пожимает плечами. — Но я думаю, что друзья у меня появятся и там. Мне кажется, именно это и бесит Гошу. Он привык считать себя самым умным. Но в моем новом классе могут оказаться еще более умные ребята.

— Даша, ну ты же должна понимать, что дело не только в уме, во внешности или в том, как человек одевается или на какой машине ездит его отец. Человека следует ценить, прежде всего, за его внутренние качества.

— Мам, не начинай! — она садится рядом и прижимается ко мне. — Я всё прекрасно понимаю. Но если человек, помимо того, что он хороший сам по себе, еще и стильно и дорого одет, то разве это плохо?

Она не называет Лану, но я почему-то думаю, что именно о ней она сейчас и говорит. Уж что-что, а одеваться стильно новая пассия Стрельникова умеет. И ведь на самом деле я вовсе не против этого. Главное, чтобы внешняя мишура не отвлекала от чего-то более важного.

Я пыталась внушать это дочери с самого детства. Вот только не станет ли сейчас Лана говорить ей совсем другое?

Глава 16

Для учителей первое сентября — день особый. Это и начало учебного года, когда ты еще не замучен уроками и проверкой тетрадей. И встреча с любимыми учениками, которых ты ведешь уже на протяжении нескольких лет и о каждом знаешь порой больше, чем их родители. И праздничная атмосфера с улыбками, поздравлениями и красивыми букетами цветов.

Мои десятиклашки за лето вытянулись, повзрослели. А класс поредел — часть учеников ушли в колледжи и училища, а некоторые уже устроились на работу. Мне еще трудно это осознать — что они уже в том возрасте, когда могут работать. Для меня Даша всё еще ребенок.

Я обещала себе отвлечься от мыслей о дочери хотя бы во время торжественной линейки. Но всё равно думаю именно о ней.

Ведь у нее сегодня первый день в новой гимназии. Знакомство и с учителями, и с учениками. Как они встретят ее? Понравится ли ей там? Сможет ли она сама привыкнуть к той, столичной, атмосфере?

— Маргарита Александровна, я слышала, что Дашенька перевелась учиться в Москву? — спрашивает стоящая рядом со мной учительница географии Анастасия Леонидовна Литовцева.

Мы с ней отнюдь не подруги, но общаемся вежливо, как и положено коллегам. И я понимаю, что она спрашивает вовсе не для того, чтобы разбередить мою рану. И всё-таки мне становится не по себе. Потому что спрашивать об этом в учительской будут все.

— Да, — я улыбаюсь и киваю. — Она сейчас выбирает, куда будет поступать после окончания школы, и мы с бывшим мужем решили, что в столице выбор шире.

— Вот как? — мне кажется, Литовцева чуть разочарована моим спокойствием. — А мне казалось, что вы с бывшим супругом не слишком ладите.

А вот это с ее стороны уже перебор. Одно дело — спросить про Дашу, которую она на протяжении нескольких лет учила географии. И совсем другое — лезть в мою личную жизнь.

И мне приходится сосчитать до десяти, чтобы не сорваться на более резкий тон. Благо, что наш директор как раз предоставляет слово какому-то депутату, который пришел поздравить нас с праздником.

— Ну почему же не ладим? — возражаю я. — У нас вполне нормальные отношения.

Мне так и хочется сказать, что ее это совершенно не касается, но наши столы в учительской стоят рядом, и поспорить из-за такой ерунды будет глупо. К тому же это даст лишний повод для сплетен.

Она смешно водит длинным тонким носом, словно именно так пытается понять, говорю ли я правду. Но ответить не успевает, потому что депутат закончил свою речь, и торжественная часть тоже завершена. И мы расходимся по своим кабинетам.

А после классного часа мы пьем чай с пирогами в учительской. А потом я возвращаюсь домой и расставляю по комнатам вазы с красивыми букетами. Квартира сразу наполняется приятным цветочным ароматом.

Уже три часа дня, но Даша еще не звонила, и я начинаю нервничать. Заставляю себя заняться домашними делами и запекаю на ужин мясо.

Убеждаю себя, что у дочери просто выдался насыщенный день, и она, возможно, пошла в кафе с новыми одноклассниками. А телефон забыла дома. И я не должна доставать ее своими звонками.

Но в пять часов я не выдерживаю и звоню ей сама. Но вежливый женский голос сообщает мне, что «телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети». Нервничаю уже сильнее.

Когда в семь часов вечера раздается звонок, я подпрыгиваю на диване. Хватаюсь за телефон. Нет, не Даша, а Гоша Звягинцев.

— Маргарита Александровна, а Даша вам сегодня звонила? Я набрал ее сейчас, а у нее телефон отключен. Хотел спросить, как прошел первый день в новой школе.

— Я думаю, она позвонит тебе сама и всё расскажет, — торопливо говорю я.

А потом звоню дочери снова и снова. Но ответ всё тот же — абонент вне зоны действия сети.

Набираю номер Зои и реву в трубку.

— Наверно, с ней что-то случилось! Не может же в первый учебный день она быть в гимназии до восьми вечера!

— Попей водички и успокойся! — рявкает Дубинина. — Если бы что-то случилось, Стрельников тебе бы уже позвонил.

Это звучит логично, но когда я в таком состоянии логично я рассуждать не могу.

— Может быть, он боится позвонить.

— Так позвони ему сама! В восемь вечера уже нормально волноваться.

Наверно, она права. И когда я набираю номер Стрельникова, мои руки дрожат.

— Артем, добрый вечер! Не могу дозвониться до Даши. Она дома?

На заднем фоне играет что-то джазовое, и я немного расслабляюсь. Вряд ли он стал бы слушать музыку, если бы с дочерью что-то случилось.

— Нет, мы еще не дома. По случаю начала учебного года весь ее класс тусуется на даче одного из одноклассников. Того самого, который сын моего друга. Я тоже тут, за молодежью присматриваю. Так что не беспокойся. Хочешь, я ее сейчас позову.

— Да, хочу!

Он отключается ненадолго, а потом перезванивает. Вернее, перезванивает не он, а уже сама Даша.

— Мама, папа тебе уже рассказал, да? Видела бы ты, как тут классно! Дача просто огромная! И его отец пригласил музыкантов. А потом будет еще и фейерверк.

Она захлебывается восторгом, но именно сейчас я не могу его с ней разделить.

— Даша, ты можешь понять, как я волновалась? Неужели было трудно позвонить после школы? Сказать, что у вас вечеринка.

Я стараюсь говорить спокойно, но у меня не получается.

— Мам, ну прости! Мы поехали сюда сразу из гимназии, а у меня разрядился телефон.

— И что? На даче не у кого было попросить зарядное устройство? Ты не сообразила позвонить с папиного телефона? Даша, тебе же не пять лет и даже не десять!

— Мам, ну не злись! — в ее голосе появляются нетерпеливые нотки. Ей явно не хочется слушать мои упреки, а хочется вернуться к новым знакомым и продолжать тусить. — Давай я тебе завтра всё расскажу, хорошо? Обнимаю тебя крепко-крепко!

Но эти ее слова звучат фальшиво. И я кладу трубку расстроенная и разочарованная. А потом долго сижу на диване, пытаюсь справиться с головной болью.

И вдруг отчетливо понимаю, что если я ничего не изменю, то такие вот одинокие тоскливые вечера станут для меня привычными. И я так и буду слоняться по комнатам в ожидании ее звонков. Хорошо ли это? Конечно, нет.

Я не должна заикливаться только на Даше. Я должна признать, что она уже взрослая, и теперь уже не я отвечаю за ее решения, а она сама. А я должна подумать и о себе. Потому что как раз о себе я давно уже забыла.

Глава 17

За неделю я втягиваюсь в работу. Знакомлюсь с новыми классами, у которых еще только начинается обществознание. Провожу родительское собрание в своем десятом классе.

И потихоньку привыкаю к тому, что дома я теперь одна. И пустота в квартире уже почти не пугает. Мой птенец вырос и вылетел из гнезда. Это нормально.

Даша исправно звонит каждый вечер и рассказывает о событиях дня. Новых впечатлений у нее столько, что иногда наши разговоры затягиваются на час, а то и дольше. Но я рада, что эти впечатления у нее пока исключительно положительные.

— Классная у нас отличная, ее все любят. И директриса норм. Да и вообще учителя тут совсем по-другому к нам относятся.

— Как это по-другому? — немного настороженно уточняю я.

Мне даже обидно становится за школу, в которой я проработала столько лет. Неужели там, в новой гимназии, действительно лучше?

— Они не заставляют нас ничего делать — даже домашние работы. Они мотивируют. И проекты тут не такие скучные. А еще здешние учителя не боятся дистанционных технологий, и часть уроков мы слушаем из дома. А еще тут постоянно какие-то командные активности.

Надеюсь, этот восторг не пройдет у нее спустя пару недель. Было бы хорошо, если бы она действительно так легко втянулась в учебу.

— А как твои одноклассники? С кем ты сидишь за партой?

— Ох, точно! Я же тебе еще про это не рассказала! Парты тут одноместные! Представляешь? Это так необычно! А одноклассники тоже, вроде, нормальные. Конечно, я еще не со всеми хорошо знакома, но с виду они вполне себе ничего.

В пятницу после уроков меня вызывают в кабинет директора. Вообще-то Валентин Георгиевич Панкратов отличный руководитель и не имеет обыкновения устраивать нам взбучки, но я всё равно ощущаю легкую тревогу. Наверно, так же чувствуют себя и школьники, проделывая этот путь до директорского кабинета.

— Валентин Георгиевич, вызывали? — спрашиваю я, переступая через порог.

Панкратову сорок восемь, и в его волосах уже заметны тонкие серебряные нити. Он пришел в нашу школу пять лет назад и сразу на должность директора. Тогда это вызвало сопротивление всего коллектива. Он был чужаком из провинции, даже не петербуржцем. А у нас и в своем коллективе были достойные этой должности кандидаты.

Чувствовал ли он нашу неприязнь? Наверняка чувствовал. Но делал вид, что нет. Он как-то сразу дал нам понять, что не намерен играть в эти игры с противостоянием. Он просто стал делать свое дело. И делал это так хорошо, что постепенно все те, кто призывал его бойкотировать, как-то незаметно стали его сторонниками. И теперь нам самим уже не верилось, что когда-то мы были против того, чтобы он нами руководил.

— Да, Маргарита Александровна, присаживайтесь! — он указывает мне на стоящий по другую сторону стола стул. — Я хотел спросить вас о Даше. Как ей новая школа? Надеюсь, нравится?

— Да, спасибо! — я облегченно вздыхаю и надеюсь, что он не слышит это вздох. — Она вчера сказала мне, что у них одноместные парты, и она от этого в восторге.

— Ну, что же, это замечательно, — улыбается он. — А сами вы как? Вы молодец, что ее отпустили. Это сильный поступок. Поверьте, я по себе знаю, каково это — когда дети вдруг начинают жить отдельно.

Говорили, что он развелся с женой примерно тогда же, когда пришел работать к нам в школу. Но так ли это было на самом деле, я не знала, потому что сам он делиться личным не любил.

— И то, что вы позволили Даше переехать к отцу, заслуживает уважения. Я ведь и сам когда-то через это прошел. Только моя бывшая жена не позволяла детям со мной видеться.

— Вот как? Мне очень жаль.

Я чувствую себя неловко. Я привыкла к тому, что между нами и директором всегда была дистанция, которую он старался сохранять. И теперь мне не по себе от того, что я узнаю о нём что-то, не связанное с работой.

— Теперь уже всё в порядке. И сын, и дочь уже выросли и обзавелись собственными семьями.

Я ерзаю на стуле и смотрю на часы. Не хватало еще обсуждать с начальником Дашу и Стрельникова. И даже если он сам захотел рассказать мне что-то о себе, я не готова ответить ему тем же.

— Маргарита Александровна, а что вы делаете завтра вечером? — вдруг спрашивает он.

— Завтра вечером? — мне кажется, что я ослышалась. — Кажется, ничего.

— А балет вы любите?

— Да, — лепечу я.

— Сейчас в Петербурге с гастрольями большой театр. Не хотите сходить в Мариинку на балет «Драгоценности»?

Это так неожиданно, что я отвечаю не сразу. И отвечаю, наверно, не то, что должна.

— Даже не знаю. Мы на этот балет хотели сходить с подругой. Она обожает балет и все уши мне про него прожужжала. Но мы не смогли достать билеты. Их нужно было покупать заранее.

Конечно, я веду себя глупо. Я должна была или просто согласиться, или просто отказаться. Но я уже и не помню, когда мне кто-то предлагал что-то подобное.

— Не беспокойтесь, — усмехается он, — билеты я достану. Для себя, для вас и для вашей подруги. Начало в семь часов. Я заеду за вами в шесть.

Он не спрашивает, где я живу. Хотя я понимаю, что адрес он может посмотреть и в базе данных.

Я выхожу из его кабинета еще более растерянная, чем пришла туда. Я не знаю, как истолковать это предложение. Наверно, я вообще не должна была его принимать. Но теперь отказываться уже поздно.

— Ты идешь в Мариинку? — переспрашивает Даша во время нашего вечернего созвона. — Так это же здорово! С тетей Зоей?

— Не только, — отвечаю я.

Я вдруг понимаю, что мне приятно сказать это загадочное «не только». Я даже начинаю улыбаться и сразу же вижу, как на экране настороженно хмурится дочь.

— Не только? — изумляется она. — А с кем еще? С мужчиной?

Она еще больше изумилась бы, если бы узнала, с кем именно я иду на балет. Но сказать ей это я пока не готова.

Глава 18. Стрельников

— Ты обещал, что мы поедем на Мальдивы! — тягуче говорит Лана за ланчем.

Даша с одноклассницей пошли в кино, а наша домработница Кира уже закончила работу и ушла домой. И теперь это едва ли не единственное время, когда мы можем поговорить наедине.

— Значит, поедем! — я пожимаю плечами и тянусь за второй чашкой кофе.

— Я думала, мы поедем в сентябре, — она хмурится, — или в октябре.

— Между прочим, мы совсем недавно летали в Корею, — напоминаю я.

Я вполне могу позволить себе и несколько таких путешествий подряд, но совсем не хочу, чтобы она считала это нормой. Я отнюдь не жадный, но слишком хорошо знаю, каким трудом достаются деньги. К тому же у меня в голове не укладывается, что можно делать на крохотном острове целых две недели? Пляжный отдых — это не мой формат.

— Но туда мы летали с Дашей! — возражает Лана. — Это совсем другое!

— Да, другое, — соглашаюсь я. — Но теперь с нами живет моя дочь, и у нее сейчас период адаптации к новой школе. Я сам уговорил ее переехать в Москву, а теперь ты хочешь, чтобы мы рванули куда-то, оставив ее здесь? Как ты себе это представляешь?

Мне неприятен этот разговор, и мне странно, что Лана этого не понимает.

— Но на эти две недели сюда может приехать твоя мама. Она будет только рада побыть с внучкой. А в гимназии, кажется, у нее всё хорошо, и от тебя там сейчас ничего не требуется.

— Лана, я же сказал — не сейчас! — я чуть повышаю голос, и она обиженно замолкает. — И кажется, мы говорили о Мальдивах как о свадебном путешествии.

— Нет, после свадьбы лучше поехать в Париж! Это же самый романтичный город мира!

Я хмыкаю. В Париже я бывал по делам своей фирмы, заключал еще до санкций там контракт. И он совсем не показался мне романтичным. Серый, дождливый, шумный.

Но выбрать место свадебного путешествия всё-таки должна невеста. Да и то, какой будет наша свадьба, тоже. Ведь вся эта мишура важна для них, для баб. Мне бы и в голову не пришло, что нужно бронировать зал для церемонии и ресторан за год до свадьбы. Вот мы и забронировали — аж на июнь.

По мне так не было никакой разницы, в каком именно месте отметить это событие. Но Лана хочет, чтобы всё было на высшем уровне — и ее платье, и еда, и развлекательная программа. И не одна сотня гостей, среди которых будут и известные люди. И разумеется, ведущий, у которого каждый день расписан по часам. «Ты что, Тёма? Он же звезда! Зато представляешь, как это будет круто? Мои подписчики будут в шоке!»

Я понимаю — ей это важно. Ей нужен контент для своего канала. Но по моему разумению делать контент из собственной свадьбы как-то чересчур. Это слишком личное, чтобы выставлять напоказ.

По мне так куда милей и душевней провести этот праздник в кругу самых близких родных и друзей. А фотографии сохранить у себя на компьютере или распечатать для семейного альбома.

Но она из другого поколения. Они привыкли каждый чих выкладывать у себя в социальных сетях. А потом считать количество поставленных на фотки лайков.

Даша тоже такая, в Сеуле она постила на своей страничке фотографии каждого поданного в ресторане блюда. Для них это норма.

Пугает ли меня большая разница в возрасте с Ланой? Нет, ничуть. Да и не такая уж она и большая, всего семнадцать лет. А мне как раз такая жена и нужна — молодая и красивая. Это лишнее подтверждение статуса. Как медаль на шее. В бизнесе это важно.

Мне уже надоело мотаться по стране, расширяя сеть своих кафе. Захотелось осесть, остепениться, обзавестись, наконец, семьей. Всех денег всё равно не заработаешь, а в погоне за ними так легко упустить что-то важное.

— Ну, может быть, тогда в начале января? — не унимается Лана. — У Даши будут каникулы, и она наверняка захочет поехать в Питер к маме. И чего нам сидеть в Москве? Проведем праздники на Мальдивах.

Точно! Каникулы! Я же обещал классной руководительнице дочери, что поговорю о них с Маргаритой!

Иду в кабинет за телефоном, набираю давно знакомый номер.

— Рита, добрый вечер! Нужно кое-что обсудить! Как ты отнесешься к тому, что на новогодних каникулах Даша съездит с классом в Сочи? В их гимназии это что-то вроде традиции — ездить кататься на горных лыжах. Конечно, там будет инструктор. А поедут, разумеется, с учительницей. Краузе говорит, что его Данька ездит туда каждый год, — слышу на заднем фоне в трубке какой-то странный шум. — Ты занята? Не дома? В Мариинском театре? Что значит перезвонишь? Вообще-то речь идет о нашей дочери!

Когда она сбрасывает вызов, я смотрю на телефон в немом изумлении. Да что она себе позволяет?

— Папа, привет! — Дашка заглядывает в комнату. — Кино было классное, вам с Ланой непременно нужно на него сходить. А ты чего такой хмурый?

— Пытался дозвониться твоей матери. А она заявила, что находится в театре и не может говорить.

— Ах, да! — кивает дочь. — Она говорила, что идет на балет. Кажется, с каким-то мужчиной. Ты же сам советовал ей кого-то найти. Я же слышала — там, в ресторане, когда отмечали мой день рождения.

Да, советовал, но не думал, что она возьмется за это, как только Дашка уедет из дома. Да и кого она может там найти? В ее-то возрасте!

Глава 19

— Хороший мужик! Надо брать! — заявляет Зоя, когда мы с ней остаемся одни.

Поход в Мариинский театр оказался волшебным. И хотя я отнюдь не театрал, это представление оставило необычайно приятные впечатления. Тут всё сложилось воедино — и мастерство артистов балета, и восхитительная музыка, и сама атмосфера Мариинки.

И я уже жалею, что прежде пренебрегала теми возможностями, что дает Петербург. Ведь отнюдь не в каждом городе мира есть столько театров и музеев. А я вместо того, чтобы хотя бы раз в месяц выбираться куда-то, все вечера проводила дома.

Более того, я уже почти забыла, каково это — общаться с людьми за пределами школы. А оказалось, что это тоже очень интересно.

Я и прежде знала, что Панкратов очень умный и эрудированный мужчина. Но сейчас он открылся мне и с другой стороны. У него обнаружились и чувство юмора, и умение поддержать разговор даже на те темы, которые наверняка далеки от его собственных интересов.

А вот я разговор поддерживала плохо. Так и не могла преодолеть какой-то невидимый барьер, что сама же выстроила между собой и человеком, который является моим начальником. Перестроиться оказалось слишком трудно.

И когда после выхода из театра Валентин Георгиевич предлагает пойти в ресторан, я благодарю, но отказываюсь. А после укоризненного взгляда Дубининой торопливо добавляю:

— Давайте в другой раз!

Я не готова к слишком быстрому развитию наших отношений. Мне нужно многое обдумать. И хотя я понимаю, что так вести себя глупо, я ничего не могу с этим поделать.

А потому Панкратов просто довозит нас до моего дома и откланивается. И теперь подруга ругает меня за это.

— Ты со своим характером так и останешься одна! — сердится она. — Тебе не шестнадцать лет, чтобы лишаться чувств от каждого знака внимания со стороны мужчины. Ты красивая умная женщина и должна этим пользоваться. Вот почему ты не предложила Валентину подняться к тебе на чай?

В отличие от меня, она легко и непринужденно называет его по имени. А я весь вечер обращалась к нему исключительно по имени-отчеству. Впрочем, как и он ко мне.

— Какой чай? — возражаю я. — После нескольких часов в театре он наверняка голоден. А у меня в холодильнике только капустный салат.

— Вот об этом я и говорю! — вздыхает Зоя. — Ты удивительно непрактична. Ты прекрасно знала, что пойдешь с мужчиной в театр, а потом он повезет тебя домой. Ты должна была запечь курицу или приготовить селедку под шубой. Путь к сердцу мужчины лежит через желудок. Ну, и уж тем более ты не должна была отказываться от ресторана.

— Да неудобно как-то!

— Чего тут неудобного? Он же сам пригласил. И если бы ты согласилась, я бы нашла способ тактично оставить вас вдвоем. А если ты так и будешь топтаться на месте, то найдется другая, побойчей и уведет его у тебя из-под носа. В вашей школе наверняка полным-полно незамужних дам.

На это мне возразить нечего. У нас в школе их действительно много.

— Но я даже представить себе не могу, что будет, если о нас с Панкратовым узнают в школе, — от одной только мысли об этом мои щеки начинают полыхать.

— А что будет? — удивляется Зоя. — Коллектив будет сплетничать. И завидовать. Но тебе-то что от этого? Он директор, и никто против него не посмеет и слова сказать. Ты сама сказала, что он давно в разводе. А значит, имеет полное право ухаживать за понравившейся женщиной. Так что в следующий раз не будь душой.

— Возможно, никакого следующего раза и не будет.

Как ни странно, но, когда я произношу это, я испытываю что-то похожее на сожаление.

— Ну, да, как же! — фыркает Дубинина. — Он аж просиял весь, когда ты сказала про другой раз. Вот увидишь, он пригласит тебя куда-нибудь уже в следующие выходные. И если он действительно так умен, как ты говоришь, то он не станет тратить время на еще какой-нибудь театр, а сразу повезет в ресторан.

Я вздрагиваю от телефонного звонка. Кто может звонить в одиннадцать часов?

— Это Даша! — я произношу это почему-то шепотом. — Я же сказала ей, что иду на балет!

— И она хочет убедиться, что ты ночуешь дома? — хохочет Зоя.

— Да, доченька! Да, мы с тетей Зоей уже вернулись. Шикарный балет, очень понравился.

— Отлично, мам! Рада, что ты начала выбираться из дома. Но тебе не кажется, что ходить в театр с Панкратовым — это немного перебор?

— Что? О чём ты говоришь?

Я рада, что она звонит не по видеосвязи и не видит сейчас моих явно пунцовых от смущения щек. И я не понимаю, как она узнала о том, с кем именно я была в театре.

— Ты, наверно, хочешь спросить, откуда я это узнала? Вас видели Гошины родители. Они тоже были в зале.

Я так и знала, что нас кто-нибудь увидит! Я с трудом удерживаю в руках телефон и с ужасом смотрю на Дубинину. Но та только довольнo ухмыляется.

— Но ты не волнуйся, мам, — продолжает Даша, — Гоша никому не скажет. Ты же его знаешь. Он слишком порядочный для сплетен. Но на твоём месте я бы хорошенько подумала. Валентин Георгиевич, конечно, хороший человек, но если у вас в итоге ничего не получится, то каково тебе будет работать в школе под его руководством?

Она словно озвучивает мои мысли. Я и сама думала о том же самом. Но почему-то, услышав это от нее, я обижаюсь:

— Почему ты думаешь, что у нас с ним ничего не получится?

— Ну, не знаю, — сразу идет на попятную дочь. — Мне так кажется. Всё-таки после папы тебе будет трудно найти мужчину, который тебе по-настоящему понравится.

Я предпочитаю свернуть эту тему, и мы еще несколько минут обсуждаем уже ее учебу в школе. А потом желаем друг другу спокойной ночи.

— Не слушай эту соплюху! — говорит Зоя, когда я кладу трубку. — Яйца курицу учить не должны. Ей просто обидно, что в твоей жизни, кроме нее, появился кто-то еще.

Я киваю и во мне крепнет решимость доказать дочери, что она ошибается. И что на свете много мужчин, которые гораздо лучше, чем Стрельников. И что свет клином на нём не сошелся.

Глава 20. Стрельников

О том, что Илья Краузе приглашает нас на свой юбилей на дачу, я сообщаю за ужином.

— Вот как? — радуется Лана. — А когда? В субботу? Так это же замечательно! Краузе такие события празднуют с размахом. Вот только что мы ему подарим?

Это хороший вопрос. Потому что сложно найти подарок человеку, у которого всё есть. А если вдруг чего-то у него нет, то он может купить это сам.

— Золотые запонки? Какой-нибудь гаджет? Редкую книгу?

Запонки и гаджет я отвергаю сразу. Этим его точно не удивишь. А вот идея с книгой неплохая. У Ильи отличная библиотека, и хотя большинство стоящих там книг он, разумеется, не читал, особо раритетными изданиями он любит похвастаться.

— А еще ты говорил, что он хочет замутить с тобой какой-то проект. Может быть, всё-таки попробуешь?

— Его проекты слишком рискованные, — возражаю я и недовольно хмурюсь.

Я не люблю, когда женщины суются в мужские дела. И хотя иногда я могу обсудить с Ланой что-то, касающееся моего бизнеса, в ее советах я не нуждаюсь.

— Рискованные? — переспрашивает она. — Но ведь это значит, что они могут принести больше прибыли?

Я усмехаюсь:

— А могут и не принести.

На создание сети моих кафе у меня ушло почти десять лет каторжного труда, и я не готов ставить свой бизнес под угрозу ради призрачной возможности получить чуть больше прибыли, чем приносят обычные виды деятельности.

— Ладно, не будем о делах, — соглашается Лана, заметив, что я сержусь. — Нам с Дашей еще нужно купить платья для праздника. Жена именинника наверняка будет в умопомрачительном наряде, и мне не хотелось бы выглядеть бледной молью на ее фоне.

— Я не смогу поехать с вами, — подает голос дочь, которая до этого молча ела пиццу. — Я в эти выходные поеду в Питер. У моего бывшего одноклассника Гоши Звягинцева тоже день рождения как раз в эту субботу. Да и маме я обещала.

— Даша, это просто смешно! Как ты можешь отказываться от такого мероприятия. Ты же уже была у Краузе на даче. Так вот — то, что ты видела там первого сентября — это так, репетиции. А на юбилей хозяина наверняка будет нечто грандиозное. Уверена, там будет петь кто-то из звезд первой величины. Отказываться от этого ради поездки в Питер просто глупо! Туда ты можешь поехать и через неделю.

Она смотрит на меня и явно ждет поддержки. Но я не хочу в это вмешиваться.

— Пусть Даша решает сама. К тому же, она сказала, что у ее друга день рождения. Поздравлять его через неделю — это не совсем то.

Но Лана уже закусила удила.

— Она может поздравить своего друга по телефону. А подарок вручит через неделю. Что в этом такого? И Даша уже достаточно взрослая, чтобы понимать, что здесь, в Москве у нее уже другие друзья. А дружить с Краузе или с каким-то Звягинцевым — по-моему, выбор очевиден.

Мне совсем не нравится ее подход. Сам я привык ценить друзей не за толщину их кошелька. Но одергивать ее сейчас я не хочу. Она же вроде как старается заботиться о моей дочери. Пусть иногда и делает это вот так, неумело.

На Дашкином лице — сомнение. Она долго думает, размешивая сахар в чашке чая. А потом уходит в свою комнату, и через пару минут я слышу, как она говорит по телефону.

— Гоша, извини, пожалуйста, но я не смогу приехать в Питер в эти выходные. Да, мне тоже очень жаль. Но у нас в гимназии в субботу — школьная олимпиада по литературе. А здесь

такой порядок, что в первом туре должны участвовать все ученики. Не могу же я не пойти, правда? Тем более, что я новенькая, мне с учителями ссориться не стоит. Зато в следующие выходные потусим. Ну, ты же не будешь на меня обижаться?

— Умная девочка! — одобрительно кивает Лана.

Она отправляется в душ, а я иду в кабинет и открывают ноутбук. Нужно ответить на несколько писем.

Но поработать мне не дают. Звонит телефон, и когда я вижу на экране имя бывшей, то понимаю, о чём пойдет разговор. Наверно, Даша уже позвонила и ей.

— Да, Рита, слушаю!

— Извини, что звоню так поздно, но...

— Не извиняйся, — перебиваю я. — Давай сразу к сути.

Я знаю, что она сейчас скажет. Наверняка она подумала, что это я отговорил дочь от поездки домой. Хотя какое там домой? Дом у нее сейчас тут, в Москве. И Маргарите стоит с этим смириться.

— Мне только что звонила Даша. Сказала, что ее приезд откладывается на неделю. Эта олимпиада в гимназии действительно так важна? Наша дочь вряд ли пройдет дальше первого тура, она не слишком любит читать. Может быть, ты поговоришь с классной руководительницей, и та разрешит Даше съездить домой?

Я ухмыляюсь:

— Вообще-то ты сама просила меня обратить внимание на то, чтобы наша дочь серьезно занималась в школе. Я именно это и делаю.

— Да, я понимаю, — голос в трубке становится виноватым. — Но тут особая ситуация. У ее лучшего друга в субботу день рождения. Они с детства дружат, понимаешь? И на этот праздник он ее очень ждет. А может быть, если олимпиада будет утром, Даша сможет приехать в Питер после обеда?

Конечно, если бы это была именно олимпиада, то она бы смогла. Но дело ведь вовсе не в этом. И от того, что я вынужден буду сейчас врать, чтобы поддержать Дашину ложь, я начинаю злиться.

— Рита, ничего страшного не случится, если он отпразднует день рождения без нее. И ты не думаешь, что, может быть, она просто не хочет ехать? Что у нее могут быть другие, куда более важные дела?

— Ах, вот как? — теперь в голосе бывшей появляется лёд. — Для тебя чужие ожидания — это пустяки? Тебе плевать на всех, кроме тебя самого! И ведь тебе это не впервой, да? Забыть про чей-то день рождения. Как когда-то ты забыл про день рождения дочери. А может быть, не забыл? Просто у тебя тогда нашлись более важные дела? И тебе было всё равно, что твой ребенок ждал от тебя звонка. Ты хоть понимаешь, что Даша до двух часов ночи сидела с телефоном в руках и уверяла меня, что папа обязательно позвонит. Потому что не может не позвонить, ведь он ее любит. А потом так с телефоном и заснула. А утром рыдала до икоты, потому что думала, что проспала твой звонок.

Она говорит всё громче и громче. Сейчас мне хочется со всего маху шваркнуть телефон об стену. Истеричка!

Но я ограничиваюсь тем, что просто нажимаю на отбой. Мы давно уже бывшие, и выслушивать ее я уже не обязан.

Глава 21

Я не хотела ему этого говорить. Не хотела унижаться, срываясь на слёзы. Но получилось как-то само собой.

Конечно, я не надеялась, что его это проймает. Если ему тогда было наплевать на день рождения единственной дочери, то с чего бы ему сожалеть об этом спустя столько лет? Я всего лишь хотела, чтобы он задумался.

Задумался о том, что именно с таких мелочей начинаются куда более серьезные проблемы. Сначала Даша забудет о дне рождения друга. Потом — о дне рождения мамы или папы. А потом предпочтет забыть не только о днях рождениях, но и о самих родителях. Так ведь тоже иногда бывает.

А когда начала говорить, уже не могла остановиться. Слишком долго держала это в себе.

А он не захотел даже дослушать. Он просто нажал на отбой.

И вот я сижу с телефоном в руках и чувствую себя полной дурой.

Иду на кухню, завариваю чай и открываю коробку конфет, которую купила для Дашки.

Мне нужно перестать жить прошлым. Нужно заняться собой. И я ведь понимала это и прежде. Прекрасно понимала.

И даже пыталась начать всё сначала. Лет пять назад я, поддавшись на Зоины уговоры, даже сходила на пару свиданий. Но это ни к чему не привело. Дальше вежливых разговоров за чашкой кофе дело не пошло.

Наверно, я слишком боялась повторения того, что случилось у нас со Стрельниковым. Что я впусти кого-то в свое сердце, а меня снова предадут. Потому что все предают. Даже те, кому доверяешь на сто процентов.

Конечно, стоило поработать с психологом. Возможно, он сумел бы помочь мне это преодолеть. Но я же убеждала себя, что я сильная, что я справлюсь.

И внешне прекрасно справлялась. А то, что было внутри, просто старалась никому не показывать. Даже Даше.

Старалась уберечь ее от разочарований. Не хотела выплескивать на нее свою обиду.

А сейчас я уже сомневаюсь, правильно ли я поступила. Может быть, если бы она понимала, что за человек ее отец, она не рванула бы к нему в Москву. И он не имел бы на нее того влияния, которое имеет сейчас. Наверно, ей стоило бы с детства знать, что он предатель.

Телефон звонит, и я вздрагиваю. Панкратов!

Сначала я даже не хочу отвечать, потому что совсем не в настроении разговаривать с кем бы то ни было. А потом понимаю, что это глупо. Я же только что решила не думать о прошлом. А выходит, что думаю до сих пор.

— Добрый вечер, Валентин Георгиевич!

— Маргарита Александровна, — усмехается он, — мы же, кажется, договорились, что будем обращаться друг к другу просто по имени. Ну, ничего, будем привыкать постепенно. Приглашаю вас в субботу на ужин. Скажите, какую кухню вы больше любите, и я выберу ресторан. Французскую? Мексиканскую? Японскую?

— Давайте начнем с французской! — предлагаю я.

— Отличный выбор! — одобряет он. — Каждую субботу мы можем пробовать новую национальную кухню. Заеду за вами в семь часов.

Я кладу трубку и удовлетворенно киваю. Да, вот так!

Я никогда не любила ходить по музеям и театрам. Разве что со своим классом на детские представления да с Дашей на полнометражные мультфильмы в кино. Наверно, многое упускала. Но для меня тихий вечер дома всегда был куда более привычным и желанным, чем поход пусть на любой, пусть даже и очень хороший спектакль.

Но, возможно, мне уже нужно выбираться из своей ракушки. Если я не попробую это сделать, то буду об этом жалеть. И может быть, даже хорошо, что Даша не приедет в Питер в эти выходные. Если бы она была дома, я нашла бы повод не пойти в ресторан.

Я открываю сайт салона красоты, что расположен неподалеку, и записываюсь на субботнее утро. И достаю из шкафа пару туфель на высоких каблуках, которые когда-то променяла на удобные кроссовки. Гулять так гулять.

И когда в субботу вечером Валентин Георгиевич приезжает к моему подъезду, я выхожу на улицу с гордо поднятой головой. И хотя мне немного не по себе, первый шаг сделан. Красивая прическа, стильный макияж, элегантное платье — да Панкратову в ресторане будут завидовать все мужики! И восхищение во взгляде моего спутника лишь подтверждает, что я отнюдь не преувеличиваю.

Ресторан меня тоже приятно удивляет — он небольшой и очень уютный. И кухня оказывается потрясающей. Мне даже неловко от того, что я с таким удовольствием уплетаю и салат, и горячее. Наверно, даме на свидании полагается клевать как птичка. Хотя я тут же напоминаю себе, что я имею право быть такой, какая я есть. И что я не обязана ни под кого подстраиваться.

Да Панкратов вовсе и не кажется расстроенным моим аппетитом. Тем более, что блюда действительно очень вкусные.

А вот разговор у нас, надо признать, не слишком клеится. Хотя мы оба очень стараемся и по очереди подкидываем темы для беседы. Но нас обоих словно что-то напрягает. И я даже, кажется, знаю что.

Мы оба думаем о том, что случится, когда мы из ресторана выйдем. Мы уже не дети и слишком хорошо понимаем, что это уже не первое свидание. И что если Валентин Георгиевич просто доведет меня до дома, как и в прошлый раз, то это будет означать едва ли не конец наших только-только начавшихся отношений.

Нет, нам нужно сделать еще один шаг. Я должна буду как минимум пригласить его на кофе. А вот о том, что будет потом, я почему-то стараюсь не думать.

Хотя я отнюдь не ханжа, пока на следующий этап я перейти не готова. А может быть, надо хотя бы попробовать? По крайней мере, вкусный кофе у меня дома есть. И турка, в которой можно его сварить. И вкусные конфеты. А что еще нужно для душевной вечерней беседы?

Я вздрагиваю от телефонного звонка. Может быть, Даша? Но нет, номер незнакомый.

Конечно, я могу не отвечать, но с тех пор, как дочь живет не со мной, я отвечаю на все звонки.

— Маргарита Александровна? Здравствуйте! Извините, пожалуйста, за то, что беспокою вас в такой час. Но вашей свекрови, Эльвире Аркадьевне, стало плохо, а дозвониться до Артёма Макаровича я не смогла. А я ее соседка.

Мне хочется сказать, что она моя бывшая свекровь. Бывшая. Но чувство сострадания берет верх над досадой.

— Что с ней случилось? Вы вызвали скорую?

— Да, разумеется. Но Эльвира Аркадьевна отказалась от госпитализации. И ей очень плохо. Вы не могли бы приехать прямо сейчас?

Я смотрю на Панкратова, который как раз расплачивается по счету, и решительно говорю:

— Извините, но прямо сейчас я не могу. К тому же я не думаю, что она будет рада меня видеть.

— Но она как раз хочет вас видеть! Именно вас!

Глава 22

Соседка бывшей свекрови. Я вообще не обязана ей что-то объяснять. Как не обязана объяснять и самой Эльвире Аркадьевне, почему я не мчусь к ней по первому требованию.

А ведь это именно требование. Не просьба даже. Ведь соседка не сказала, что она очень просит меня приехать. Она сказала «хочет видеть вас». Хочет. А вот я к ней ехать не хочу.

И это вовсе не значит, что я равнодушная и что мне ее не жаль. Жаль. Как было бы жаль любого человека, которому стало плохо. Но таких, как Эльвира Аркадьевна, лучше жалеть на расстоянии. Потому что она способна отравить всё, что находится рядом с ней.

Возможно, я не права и слишком предвзята. Но никаких приятных воспоминаний от общения с бывшей свекровью у меня нет. Я для нее всегда была Золушкой, на которую она всегда смотрела надменно и свысока и до которой иногда снисходила. И ладно бы только смотрела. Но нет, она никогда не забывала подчеркнуть, какая я плохая хозяйка, плохая мать, плохая жена. Наверно, когда мы со Стрельниковым развелись, она устроила праздник.

Впрочем, это было ее право. Она не обязана была меня любить.

Вот только что ей понадобилось от меня теперь? Сейчас у Артёма другая жена. Как раз такая, какая должна ей понравиться — гламурная, умеющая себя показать, настоящая светская львица.

— Рита, что-то случилось? — доносится до меня голос Панкратова.

Ох, как неловко получилось! Я со своими мыслями совсем забыла, где мы находимся.

— Нет, всё в порядке, — виновато улыбаюсь.

Хотя кого я пытаюсь обмануть? Он же сам всё прекрасно слышал.

— Вернее, да, случилось. У бывшей свекрови приступ. Позвонила соседка.

— Поедете к ней? — участливо спрашивает он.

Мне хочется сказать «нет, не поеду». Но ведь тогда нужно хотя бы в двух словах объяснить, почему. А иначе он, чего доброго, сочтет меня жестокой и равнодушной.

Да и настроение у меня сейчас совсем не для свидания. С таким настроением только фильмы ужасов смотреть.

Вечер всё равно безнадежно испорчен.

— Да, наверно, — бормочу я. — Простите, Валентин, мне ужасно неловко.

— Да за что вы извиняетесь? — удивляется он. — Давайте я отвезу вас, куда надо.

Он хороший, чуткий, добрый человек. И кому-то с ним очень повезет. Но, наверно, не мне. Потому что сейчас вместо разочарования из-за подпорченного свидания я вдруг где-то в глубине души ощущаю облегчение.

— Это замечательно, что вы смогли сохранить с бывшей свекровью хорошие отношения, — хвалит он, когда мы едем на Васильевский остров.

Хвалит зря, потому что я этих слов совсем не заслуживаю. Но я молчу.

— А может быть, мы в следующие выходные сходим в какой-нибудь музей? — вдруг предлагает он.

Похоже, я для него буду сплошным разочарованием. Сейчас я, конечно, не скажу ему, что не люблю бывать в музеях. Но однажды придется сказать. И тогда он наверняка согласится с моей свекровью в том, что «можно вывезти человека из деревни, а вот деревню из человека вывести нельзя».

Но я такая, какая есть. И моему мужчине придется это принять.

— А давайте съездим в Павловск! — в ответ предлагаю я.

Я не люблю музеи изнутри, но обожаю их снаружи. Вернее, не сами музеи, а те парки, что их окружают. Я могу часами бродить по их узким аллеям и любоваться причудливой формой деревьев, подстриженными лужайками, фонтанами, мостами и беседками посреди прудов.

Я много раз была в Екатерининском и Александровском парках в Пушкине, в Мон-Репе в Выборге, в парке Константиновского дворца в Стрельне. И обожаю гулять в Летнем саду. Наверно, всё дело именно в том, что я выросла в деревне, и природа в реальности впечатляет меня куда больше, чем на висящей на стене галереи картине.

— В Павловск? — переспрашивает он. — Да, конечно!

Он привозит меня по нужному адресу и еще раз заверяет меня, что «всё хорошо». Я благодарю его за прекрасный вечер и захожу в парадное. В этом, кстати, мы тоже со свекровью так и не сошлись. Я почти привыкла к тому, чтобы называть крыльцо именно так, но называю его «парадное». А она говорит исключительно «парадная».

Медленно поднимаюсь по высоким, основательным ступеням на пятый этаж, пытаюсь настроиться на непростой разговор. Хотя в полной мере настроиться на него невозможно.

Дверь открывает незнакомая женщина. Когда мы жили у свекрови в квартире, среди соседей ее, кажется, не было.

— Маргарита Александровна? Спасибо, что пришли! — она отходит в сторону, приглашая меня войти. — Скорая уехала час назад. Вы не беспокойтесь! Эльвире Аркадьевне сделали уколы, и она, надеюсь, проспит до утра.

— До утра? — хмурюсь я. — Тогда зачем я вообще сюда приехала? Я думала, она хотела со мной поговорить.

— Да, так и есть! — подтверждает соседка. — Я, конечно, сначала позвонила ее сыну. Но он не ответил. Тогда она попросила позвонить вам. А потом она уснула. От госпитализации она отказалась. Но вы же понимаете, ее сейчас нельзя оставлять одну. А я не могу остаться. У меня у самой ночная смена. Ой, простите, я же забыла представиться. Я Вера.

Она обращается ко мне по имени-отчеству. А сама назвать свое отчество не считает нужным. Хотя мы примерно ровесницы. Впрочем, какая разница?

— Вы извините, Вера, но я тоже не могу остаться до утра. У меня есть свои дела.

Надеюсь, я говорю это достаточно уверенно, чтобы она поняла.

— Ох! — она меняется в лице. — Но что же делать? Я через час должна быть на работе.

Видно, что человек она сердобольный. И должно быть, Эльвира Аркадьевна немилосердно пользуется этим.

— Может быть, пригласить кого-то еще из соседей? Вы не знаете, с кем она общается.

По растерянности во взгляде Веры понимаю, что моя бывшая свекровь ни с кем тут не дружит. Не удивительно. При таком-то характере.

— Тогда нужно вызвать сиделку! — решительно говорю я.

Конечно, заниматься этим должна не соседка. Получается, я?

— Нет-нет! — вдруг пугается Вера. — Я уже предлагала ей сиделку. Она сказала, что ни в коем случае. Она им, знаете ли, не доверяет. А может быть, вы всё-таки побудете тут до утра? А я со смены сразу сюда приду. А может, до утра и не потребуется. Я сыну Эльвиры Аркадьевны сообщение отправила. Может быть, он приедет еще ночью.

Приедет? Стрельников? Этого мне только не хватало!

Глава 23

Я узнаю у Веры из какой она квартиры и записываю номер ее телефона. Она оставляет мне написанную со слов врача скорой помощи инструкцию и показывает, где у Эльвиры Аркадьевны лежат таблетки. А потом уходит, пообещав, что придет сразу же, как только вернется с работы.

Конечно, я понимаю, что веду себя как дура. Я не обязана сидеть у кровати бывшей свекрови. У нее есть сын и новая уже почти невестка. Это должно быть их заботой.

Но и бросить старого человека в такой ситуации я не могу. Дождусь утра и сдам пост Вере. Ну, еще позвоню Даше и обрисую ей ситуацию. Пусть она поговорит с отцом. У него достаточно средств, чтобы нанять самую высококвалифицированную сиделку с дипломом о медицинском образовании.

Хотя я знаю, почему Эльвира Аркадьевна не соглашается на сиделку. Она уверена, что все вокруг только и думают, как бы ее обобрать. Однажды, когда мы с Артемом еще жили здесь, в этой самой квартире, а я только-только начинала свою педагогическую деятельность, ко мне за учебником пришел один из моих учеников-пятиклашек, и я на пару минут оставила его в прихожей одного. Так свекровь прочитала мне целую лекцию о том, что за это время мальчишка мог обшарить все карманы висевших там пальто.

Впрочем, в нынешнее время, когда развелось столько телефонных мошенников, такая осторожность, надо признать, была совсем не лишней. Но тут уж ей придется решать самой — или сидеть в квартире одной или всё-таки довериться сиделке.

Я захожу к свекрови в спальню, подхожу ко кровати. Эльвира Аркадьевна спит, и ее дыхание ровное, спокойное. Надеюсь, она проспит до утра, потому что разговаривать с ней я не хочу. Соглашаться с ней во всем, как было когда-то прежде, я уже не стану. Но и спорить сейчас тоже не вариант — ей нельзя волноваться. Тупиковая ситуация. Поэтому для всех будет лучше, если она проснется уже после того, как я уйду.

Иду на кухню, ставлю чайник. Набираю номер дочери. Она опять вне зоны доступа. А Вера говорила, что она не дозвонилась и до Стрельникова.

Начинаю чувствовать беспокойство. Да, причин для этого еще нет. Может быть, они уже легли спать, а телефоны разрядились.

Но не оба же сразу! Такая тревожность мне свойственна в принципе. А уж когда дело касается Дашки, то она усиливается многократно.

А может быть, они уже едут в Питер? Если Артём получил сообщение Веры, то наверняка сорвался к матери. И он же не знает, что я здесь, поэтому мне и не позвонил.

Пью чай, стараюсь успокоиться. Потом устраиваюсь в гостиной на диване и открываю в телефоне книгу, которую начала читать пару дней назад. Но через некоторое время осознаю, что почти не понимаю, о чём именно идет речь в тексте. Выхватываю взглядом отдельные слова, но они словно не складываются в предложения.

Закрываю глаза, пытаюсь заснуть. Но прекрасно знаю, что не получится. Кого я пытаюсь обмануть? До тех пор, пока я не пойму, что с Дашей всё в порядке, я так и буду метаться по дивану.

Вспоминаю, что у нее сегодня была олимпиада в школе. А я даже не позвонила ей днем, чтобы узнать результат, так увлеклась подготовкой к свиданию. Да какая же я после этого мать? А может быть, Дашка расстроилась и ревет сейчас, уткнувшись в подушку.

Снова беру в руки телефон. Захожу на ее страничку в контакте. Она была там пару часов назад. Значит, всё в порядке, и можно успокоиться. Но тревога всё же гложет. И я отправляю сообщение: «Как дела? Как прошла олимпиада?»

Но ответа, понятное дело, не получаю. Даша сейчас не в сети.

Я мало что знаю о нынешней жизни дочери. Кажется, она рассказывала про свою одноклассницу Ксюшу. Тыкаю на вкладку Дашиных друзей.

Ксюша там только одна — Дубова. На аватарке симпатичная мордашка — темные волосы, карие глаза с длинными пушистыми ресницами. Милая девочка.

Поскольку сна всё равно нет, решаю посмотреть фотографии на ее странице — может быть, там мелькнет и Даша? И она действительно мелькает.

Девочки стоят рядом с каким-то мужчиной, лицо которого кажется мне смутно знакомым. Кажется, это какой-то певец с «Фабрики звезд». Но где они с ним сфотографировались?

Нажимаю на фотографию и читаю восторженную подпись: «Да-да, вы не ошиблись, это именно он!» А снимок совсем свежий, выложен несколько минут назад. Листаю стену дальше.

Новых фотографий тут не меньше пары десятков. И все с какого-то мероприятия. Роскошно накрытый стол, толпы гостей и всё тот же певец, но уже с микрофоном. Кажется, чей-то день рождения, потому что на огромном торте надпись «С юбилеем!» и сегодняшняя дата.

Сегодняшняя? Но как это возможно? Даша не говорила, что куда-то собиралась. Она осталась в Москве только из-за олимпиады. Или нет?

Где-то в глубине души я куда раньше поняла, что школьная олимпиада — всего лишь отговорка. Дочь никогда не отличалась такой тягой к знаниям. А уж Стрельников, если бы захотел, нашел бы способ убедить учителя освободить Дашку от этого мероприятия.

Но тогда я решила, что, возможно, дочка просто сильно устает в новой гимназии. И на выходных всего лишь хочет отдохнуть, выспаться, а не выматывать себя еще больше дорогой в Питер.

А вот вместе с Дашей и Ксюшей на фото и Лана с холодной улыбкой на пухлых губах. Платье сидит на ней безукоризненно. А в ушах блестят серьги с крупными бриллиантами. Она прекрасно вписывается в ту атмосферу роскоши, в которую никогда не вписалась бы я.

А моя дочь, кажется, очень сильно хочет стать там своей. И от осознания этого мне становится так горько, что я с трудом сдерживаю слёзы.

Мне хочется понять, когда именно я что-то упустила в ее воспитании? Когда пыталась любить ее за двоих, стараясь компенсировать то, что ее отца не было с нею рядом? Когда забывала о себе, желая, чтобы у нее всё было хорошо?

Почему она решила, что так можно, что так правильно — врать и изворачиваться в попытке усидеть на двух стульях? Ведь скажи она мне правду, я не осудила бы ее. Хотя, наверно, и попыталась бы напомнить, что старый друг лучше новых двух.

Из двух дней рождений она выбрала то, что было ярче и круче. Потому что у Звягинцевых не было бы приглашенной звезды и такого трехъярусного торта. Тут не гламурно, тут нет суеты. Только несколько старых школьных друзей. Какая мелочь!

Я испытываю смешанные чувства. Нет, среди них нет обиды. Но есть разочарование. И гнев — не столько на Дашу, сколько на Стрельникова. Она еще молода и глупа. Но неужели он не понимает того, куда она катится? Что сейчас она отвернулась от друга. А потом может отвернуться и от нас. Просто переступит через нас и пойдет дальше.

Я закрываю приложение и набираю номер Стрельникова. Мне хочется сказать всё, что я о нём думаю. Да, прямо сейчас, ночью.

Уже почти ожидаю услышать всё то же, что и раньше — что телефон абонента выключен. Но нет, сигнал проходит, и в трубке раздаются длинные гудки.

Но абонент не отвечает. Вот же козлина! Встаю с дивана и набираю номер снова. И вздрагиваю, когда слышу, как звонит чей-то телефон.

Сначала я думаю, что это телефон Эльвиры Аркадьевны, но звук доносится не из ее спальни, а с лестничной площадки, из-за входных дверей. Холодею при мысли, что там кто-то стоит.

А потом дверь распахивается.

— Рита? — на пороге с сумкой в руках стоит Стрельников. — А ты что здесь делаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.